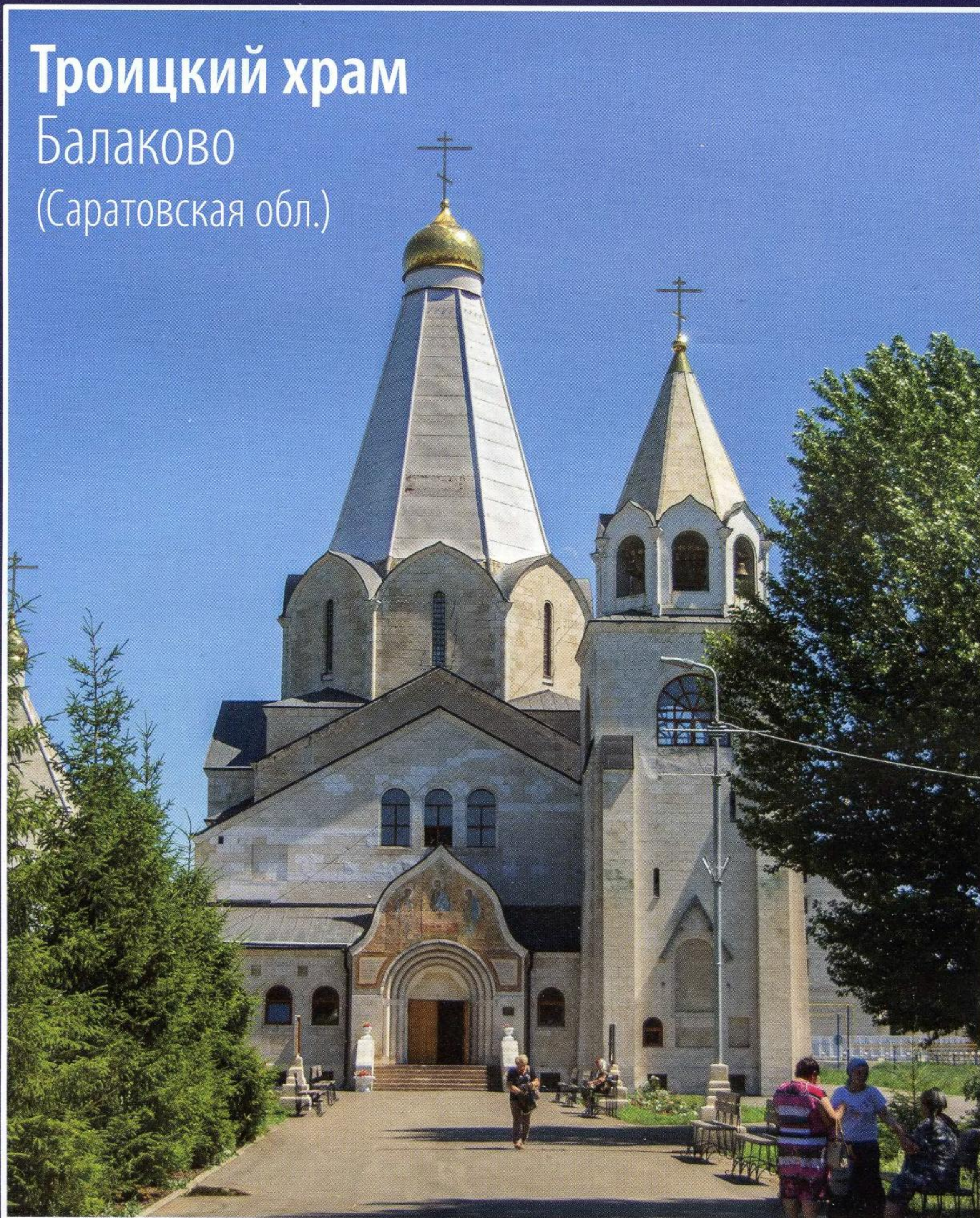
VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

ПРАВОСЛАВНЫЕ Храмы

путешествие по святым местам

№176

Рождение шедевра

После указа о веротерпимости

Окрестности

«Хлебная столица»

Судьбы

Законодатель модерна

Рекомендуемая розничная цена: 110 руб.
Розничная цена:
29 900 бел. руб., 390 тенге
Еженедельное издание

Оглавление

Эпоха

Очарованные севером 3

Рождение шедевра

Вне конкурса 4

Через века

Советский карнавал 8

Святыни

После плена 12

Облик

Традиция и модерн 14

Окрестности

Остатки былой роскоши 20

Судьбы

Мир Шехтеля 26

Современная жизнь

Возвращение имени 30

**«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»**
Выпуск № 176, 2016
Еженедельное издание

РОССИЯ
Учредитель, редакция: ООО «Идея Центр»
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.
Генеральный директор: А. Е. Жаркова
Главный редактор: Д. О. Клинг
Выпускающий редактор: В. И. Степановская

Издатель: ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.
Генеральный директор: А. Б. Якутов
Финансовый директор: П. В. Быстрова
Операционный директор: Е. Н. Прудникова
Менеджер по маркетингу: М. В. Ткачук
Младший менеджер по продукту: Е. В. Миронович

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт www.deagostini.ru, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 150961, г. Ярославль, а/я 51, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-63921 от 09.12.2015

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк»,
220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224,
ООО «Росчерк», «Де Агостини»,
«Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «Казахско-Германское предприятие БУРДА-АЛАТАУ ПРЕСС»
Казахстан, г. Алматы, ул. Зенкова, 22 (уг. ул. Гоголя), 7 этаж
Тел.: +7 (727) 311-12-86, 311-12-41 (вн. 109)
Факс: +7 (727) 311-12-65

Рекомендуемая розничная цена: 110 руб.
Розничная цена: 29 900 бел. руб., 390 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Редакция оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ОАО «Полиграфический комплекс "Пушкинская площадь"», 109548, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 4Д

Тираж: 55 600 экз.

© 2016 Редакция и учредитель ООО «Идея Центр»
© 2016 Издатель ООО «Де Агостини»

Текст: Александр Панфилов

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 02.02.2016

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 3: (обе) © Bridgeman/Fotodom.ru; 4/5: (все) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 6: (верх) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини», (низ) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 6/7: (на развороте) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 7: © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 8: (верх) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва, (низ) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 9: (верх) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва, (низ) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 10: © А. Лесс/ТАСС; 10/11: (на развороте) (верх) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини», (низ) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 11: (верх) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини», (низ) © SP/Vostock Photo; 12/13: (все) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 14: (верх) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини, (низ) © Юрий Кобзев/Фотобанк Лори; 15/18: (все) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 19: © В. В. Иванов; 20: © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 20/21: (на развороте) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 21/25: (все) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 26: (верх) © Fine Art/DailyPicture, (низ) © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 26/27: (на развороте) © УНА/Фотобанк Лори; 27: © А. М. Панфилов, частный фотоархив, Москва; 28: (верх) © Ullstein Bild/Vostock Photo, (низ) © Павел Москаленко/Фотобанк Лори; 28/29: (на развороте) © Юрий Кобзев/Фотобанк Лори; 29: (верх) © Елена Макарова/Фотобанк Лори, (низ) © Елена Коромыслова/Фотобанк Лори; 30: (обе) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини»; 31: (верх) © В. В. Иванов, (низ) © Александр Панфилов/ООО «Де Агостини».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

Очарованные севером

За четыре месяца до закладки Троицкого храма в Балакове экспедиция американского исследователя Роберта Пири достигла Северного полюса. Его соотечественник Фредерик Кук при этом утверждал, что побывал на Северном полюсе годом раньше.

▲ *Роберт Пири (1856—1920), американский исследователь Арктики.*

▲ *Эта гуашь иллюстрирует те трудности, с которыми столкнулся отряд Пири, направлявшийся к Северному полюсу.*

Роберт Пири был необыкновенно честолюбивым человеком. Еще в юности он записал, что «хотел бы снискать имя, которое открыло бы мне доступ в круг избранных, где я ощущал бы себя наравне с каждым». По окончании школы и колледжа он стал офицером Военно-морского ведомства США и занимался военно-инженерными работами в Центральной Америке. Но уже тогда, прочитав несколько книг о севере, Пири стал связывать свои честолюбивые мечты с исследованием северных территорий. И вскоре отправился в Гренландию. В 1891—1892 годах он пересек этот остров на санях — впрочем, не слишком удачно: в начале похода Пири сломал ногу и не остался инвалидом лишь благодаря профессиональному мастерству врача экспедиции. Этим врачом был как раз Фредерик Кук, его будущий соперник. Пири вообще долго не везло — все его амбициозные планы рушились, ибо его постоянно кто-нибудь опережал (тот же Фритьоф Нансен, например). Однако американец не отчаивался — возмечтав о покорении Северного полюса, он на протяжении 1890-х годов изучал быт эскимосов и придумывал свою «систему», которая должна была помочь ему добраться до самой северной точки планеты.

Свой бросок к полюсу Пири совершил в первой половине 1909 года. Экспедиция готовилась фундаментально: под эгидой Военно-морского министерства США; заранее устраивались промежуточные базы; численность отряда была велика. 6 апреля 1909 года Пири достиг Северного полюса. Каково же было его изумление, когда на обратном пути он узнал о том, что Фредерик Кук сделал это годом раньше: 21 апреля 1908 года. С тех пор Пири яростно отстаивал собственный приоритет, развернув широкую газетную кампанию и неустанно обвиняя Кука в подлоге. Дело для Кука осложнялось тем, что документы его похода оказались утеряны (не без, кажется, стараний Пири). Отметим, что современные исследователи, подробно изучившие дневники, карты и фотографии экспедиции Пири, склоняются к выводу, что американец все-таки не добрался до полюса, сделав ошибку в расчетах. При этом называются расстояния от восьми до 160 километров, отделявших его от цели в конечной точке пути.

События эпохи

1901 Создание в России партии социалистов-революционеров (эсеров). Покушение на президента США У. Мак-Кинли, приведшее к его гибели. Первое вручение Нобелевских премий.

1903 Провозглашение независимости Панамы.

1904–1905 Русско-японская война.

1905 Начало революции в России. Издание императором Николаем II Манифеста о даровании гражданских свобод.

1909 Закладка старообрядческого Троицкого храма в Балакове. Экспедиция американского исследователя Р. Пири отправляется к Северному полюсу.

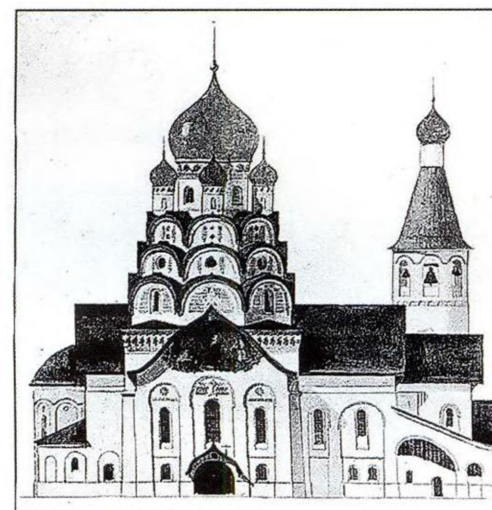
1911 В Киеве в результате покушения получает смертельное ранение председатель Совета министров П. А. Столыпин.

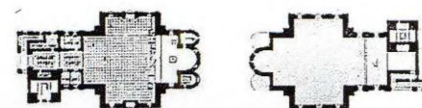
1912 Свержение в Китае маньчжурской династии Цин.

1914 Освящение Троицкого храма в Балакове. Начало Первой мировой войны.

Вне конкурса

И снова, рассказывая о строительстве храма, мы встречаемся с купцами-благотворителями. На этот раз староверами. Именно им провинциальное Балаково обязано тем, что в нем в начале XX века появился выдающийся памятник архитектуры, который мог бы составить славу столичному городу.

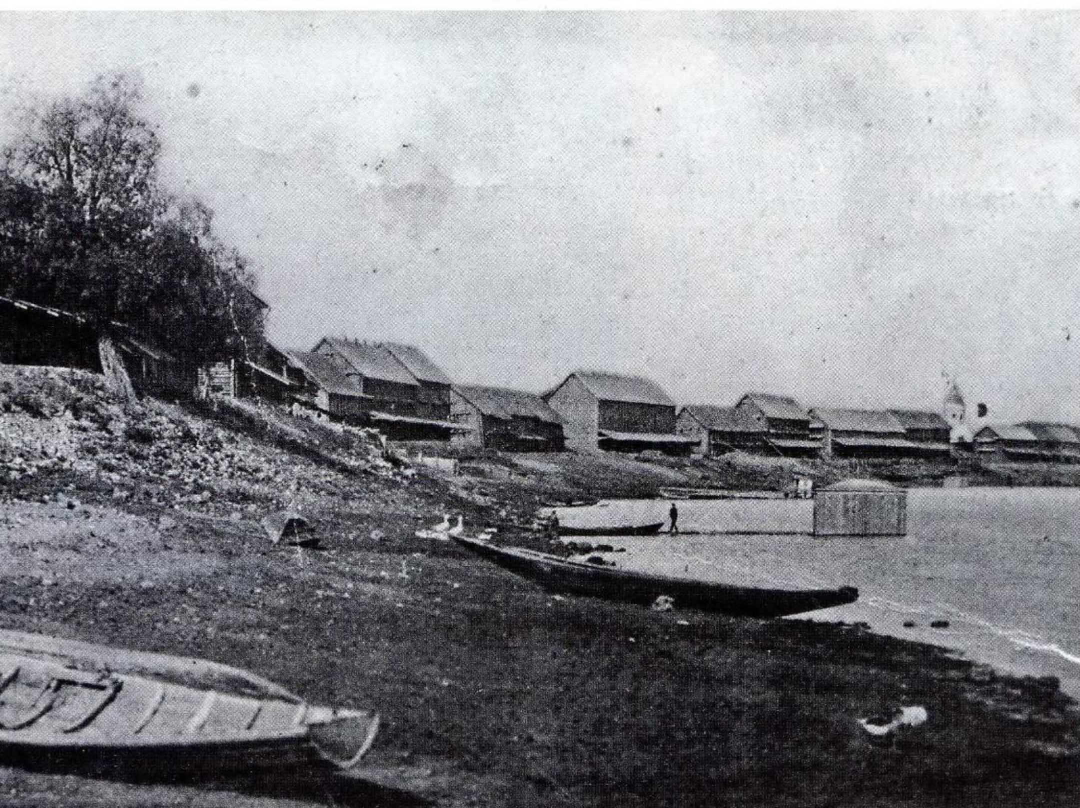
▲ *Проект Н. С. Курдюкова, победивший в конкурсе, объявленном А. М. Мальцевым. Как видим, с шехтелевским храмом он не имеет ничего общего: вместо шатра здесь традиционное пятиглавие.*

Свою официальную «биографию» Балаково ведет с 1762 года. В документах начала XVIII века на этом месте упоминается казачий пост Балаков Юрт, существовавший, как предполагается, с времен Ивана Грозного. С перенесением российских границ на юг и восток Заволжье превратилось во внутреннюю территорию, которую следовало заселить людьми. Этим историческим требованием был вызван указ Екатерины II, призывавший переезжать сюда немецких колонистов и старообрядцев, известных своими великими «устроительными» способностями. Так в 1762 году образовалось село Балаково — его население составили староверы, жившие до того в Польше, в слободе Ветке неподалеку от Гомеля, ныне белорусского.

Эпохой расцвета Балакова считается XIX век: если в его начале в селе жили полторы тысячи человек, то в середине столетия — без малого три тысячи, а к XX веку балаковское население достигло двадцати тысяч жителей. Бурно развивалась хлеботорговля — здесь имелись необходимые амбары для хранения зерна и удобные пристани. Росло производство: в общем, все происходило так, как происходило везде, где основы экономической жизни закладывались старообрядцами, одним из главных качеств которых было трудолюбие. К концу XIX века Балаково получило негласный титул «хлебной столицы» Заволжья.

Конкурс

Старообрядцам в России жилось нелегко: то и дело на них обрушивались репрессии. Тем не менее они крепко держались старой веры, хотя

◀ *Хлебные амбары в Балакове. Дореволюционная открытка.*

и ощущали нехватку храмов (в камне свои церкви им и вовсе запрещалось строить). Ситуация изменилась в 1905 году, когда император Николай II подписал указ о веротерпимости. После этого балаковская старообрядческая община Белокриницкой иерархии получила возможность приступить к строительству церкви, которую было решено посвятить Святой Троице. Создателем и старостой этой общины являлся купец Анисим Михайлович Мальцев — он и предоставил основные средства.

В 1908 году в Москве объявили конкурс на лучший проект — победу в нем одержала работа архитектора Н. С. Курдюкова, однако она не удовлетворила заказчика, требовавшего строгого следования дониконовским образцам. После некоторых раздумий Анисим Мальцев попросил заняться проектом Федора Шехтеля

▲ *Павел Петрович Шибанов (1864—1935) консультировал Ф. Шехтеля, когда тот работал над проектом Троицкого храма.*

(тот входил в жюри конкурса). Последний, даром что модернист, был известен тем, что с охотой сотрудничал со старообрядцами, — кроме того, с Шехтелем, через Гиляровского, водил знакомство старший брат Анисима Михайловича Паисий Михайлович, тоже богатый купец, но, в отличие от брата, бóльшую часть времени проводивший не в Балакове, а в Москве.

Белокриницкое согласие

Балаковский купец Анисим Мальцев, задумавший построить в родном селе каменный Троицкий храм, был старовером Белокриницкого согласия. Среди всего тогдашнего балаковского населения, насчитывавшего около двадцати тысяч человек, более тысячи принадлежали к старообрядцам Белокриницкой иерархии (немало!). Поэтому и саму Троицкую церковь иногда называли Белокриницкой.

Митрополит Амвросий (Паппа-Георгополи) (1791—1863).

Свое имя эта иерархия получила по одному из крупнейших центров старообрядчества — Белой Кринице, находившейся на территории Австрии (ныне это Черновицкая область Украины, пограничная с Румынией ее часть). Там издавна действовал старообрядческий монастырь.

Как известно, главной проблемой староверов, с самых никоновских реформ, когда, собственно, в Русской Церкви и оформился раскол, была проблема канонически рукоположенных священников. Староверы делились на беспоповцев и беглопоповцев: первые вообще отказались от института священства, вторые же принимали у себя беглых священников официальной Церкви. Однако моральный уровень последних часто оставлял желать лучшего, и старообрядцы-беглопоповцы мечтали об учреждении собственной кафедры с архиереем, который мог бы рукополагать новых батюшек. Поиски такого архиерея длились десятилетиями, пока в 1840-х годах не увенчались успехом: находившийся на покое греческий митрополит Амвросий (Паппа-Георгополи) отрекся от «еретических заблуждений» и в октябре 1846 года присоединился к староверам. Кафедра была устроена в Белой Кринице.

Чуть больше года митрополит Амвросий занимал ее, после чего австрийские власти, не желавшие ссоры с встревоженным российским правительством, выслали его в Цилли (нынешний город Целе в Словении), где он и провел остаток жизни. Но за время пребывания в Белой Кринице владыка успел рукоположить нескольких священников и епископа Кирилла (Тимофеева), ставшего его преемником. Так старообрядческая иерархия получила каноническую преемственность. Это помогло ей завоевать популярность среди русских староверов не только за пределами России, но и внутри страны (в частности, в Балакове), где, впрочем, гонения на них, усилившиеся в 1840-х годах, когда Николай I принялся энергично изводить «крамолу», не утихали еще довольно долго.

Крестный ход балаковских старообрядцев. Дореволюционная фотография.

Мальцевы

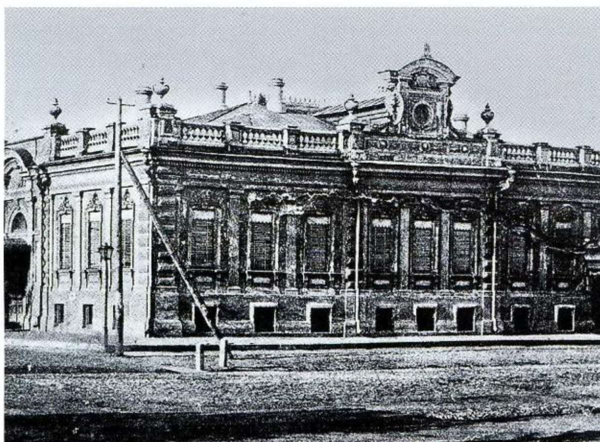
Отец братьев Паисия и Анисима Мальцевых, Михаил Трофимович, был сыном рыльского купца. В Заволжье он перебрался в 1840-х годах — его жена, купеческая дочь из Хвалынска, имела в недалеком от Балакова Николаевске (нынешний город Пугачев) собственный дом. Переезд оказался решением правильным: бараны в здешних степях разводились в немыслимых количествах и продавались за копейки — открыв два салотопенных завода (а сало в те времена являлось товаром стратегическим), Михаил Трофимович быстро разбогател — вскоре он расширил свои земельные владения, которые получил в качестве приданого за женой, до размеров среднего европейского государства; в сущности, именно Михаил Мальцев превратил близкое ему по религиозному духу старообрядческое Балаково, где он завел «родовую усадьбу», в «хлебную столицу» Заволжья.

Анисим Михайлович Мальцев (1857—1914), заказчик Троицкого храма.

В 1856 и 1857 годах у Мальцевых родились сыновья-погодки: Паисий и Анисим.

Повзрослев, они пошли по стопам отца — стали купцами, богатейшими в Поволжье. А еще, тоже отцу соответствуя, — великими благотворителями. Чего стоит одно устройство санатория в Ессентуках для малоимущих христиан! Или снабжение едой нескольких тысяч человек, переселенных Мальцевыми в Заволжье во время голода.

Между тем характерами братья сильно отличались друг от друга. Анисим Мальцев, получивший лишь домашнее образование, работал вместе с отцом — был крепким практиком. Паисия же можно назвать романтиком — он учился в Москве (тут разные источники говорят разное — то ли в университете, то ли в коммерческом учебном заведении), дружил с В. Гиляровским, водил знакомство с А. П. Чеховым, был завзятым театралом. Пятидесяти лет от роду за границей Паисий Михайлович влюбился в иностранку и, ожидая ее визита в Балаково, поручил Федору Шехтелю перестроить свой особняк, после чего тот превратился в настоящий дворец. Иностранка, правда, как приехала, так и уехала — балаковские красоты ее не прельстили. А в особняке разместилась богатейшая библиотека П. М. Мальцева, включавшая редчайшие старопечатные и рукописные книги. Купец был страстным библиофилом — в 1914 году он, по совету П. П. Шибанова, — того самого, который консультировал Шехтеля, когда зодчий работал над проектом Троицкого храма, — переправил свои бесценные книжные богатства в Саратов (предварительно их взвесили — потянуло на 650 пудов!), где они позже легли в основу собрания отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Саратовского университета.

Дом Паисия Михайловича Мальцева в Балакове. Дореволюционная открытка.

А. М. Мальцев умер в 1914 году. П. М. Мальцеву, к несчастью, довелось увидеть революцию. Обстоятельства его гибели не вполне ясны, но, по некоторым сведениям, купца арестовали в Саратове и отправили на принудительные работы, где он был застрелен нетрезвым красноармейцем.

На берегу Балаковки

Федор Осипович с удовольствием принял этот заказ. Работа шла споро, она была в некотором смысле «коллективной» — по всем трудным вопросам архитектор советовался с братьями Мальцевыми и знаменитым антикваром-букинистом и «по совместительству» великим знатоком старообрядчества Павлом Петровичем Шибановым. Уже 28 июля 1909 года состоялась закладка Троицкого храма, проект которого являл собой причудливое сочетание элементов древнерусской архитектуры и новомодного модерна. Место для строительства выбрал сам Шехтель — на высоком берегу речки Балаковки (после пуска Саратовской ГЭС в 1950-х годах она превратилась в озеро). Он пристально следил за ходом строительства, в 1910—1914 годах регулярно навещая Балаково.

Старообрядческий журнал «Церковь», издававшийся в 1908—1914 годах, сообщал тогда: «Старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии, после богослужения в существующем уже много лет деревянном храме совершена торже-

Мозаика «Спас Нерукотворный» на южном фасаде Троицкого храма более или менее благополучно пережила советские времена.

ственная закладка нового каменного храма во имя Святой Троицы. Храм сооружается в древнем новгородском стиле и будет построен весь, от основания до верха, не из кирпича, а из глыб белого жигулевского камня, причем так, чтобы, насколько возможно, и швов не было заметно. Стоимость постройки этого храма, как передают, около 500 тысяч рублей. И это в селе, хотя и большом, бойком, торговом».

Автор этого материала в «цене» несколько ошибся: Анисим Мальцев потратил на строительство Троицкий церкви около 800 тысяч рублей серебром (укладка только одного каменного «кирпича» стоила пять рублей серебром!). И, к слову, пока шло строительство, село перестало быть селом — в 1911 году Балаково получило городской статус.

На южном и северном фасадах и на фронтоне над главным входом поместили величественные мозаики: изображения Спаса Нерукотворного образа, иконы Божией Матери «Знамение» и Святой Троицы. Изготовили их по картонам И. О. Чирикова в петербургской мозаичной мастерской В. А. Фролова «под присмотром» П. М. Мальцева. Анисим же Михайлович немного не дожил до окончания строительства — он скончался в феврале 1914 года. Отпевали его в почти готовом новом храме, его любимом детище.

Хлопоты по доведению церкви до ума взял на себя Паисий Михайлович. Впрочем, собственно строительных работ оставалось немного, основные завершились еще в 1912 году, после чего в храм пришли, как мы сейчас сказали бы, отделочники; к моменту смерти А. М. Мальцева не был построен только придел.

Летом 1914 года старообрядческий епископ Саратовский и Астраханский Мелетий (Картушин) освятил Троицкий храм.

Троицкий храм на завершающем этапе строительства.

Советский карнавал

Троицкий храм появился в Балакове в недоброе время — в Европе тогда вспыхнула Первая мировая война, приведшая Россию на грань катастрофы. Далее — большевистская революция с явным богоборческим «уклоном», и — десятилетия безбожного «счастья», когда храмы разрушались сотнями, а русских людей с младых лет загоняли в атеизм. Балаково за это время выросло в промышленный центр, который стоял... без церквей. Единственным выжившим храмом оказался Троицкий — да и он к концу 1980-х годов весьма мало напоминал собственно храм.

▲ *Развитая хлебная торговля была характерна для Балакова до самой революции. На снимке начала XX века: балаковская хлебная пристань.*

Кто сказал, что советская жизнь была скучной и напрочь зарегламентированной? В своей идеологической составляющей она, быть может, и была такова, но некоей карнавализации между тем не избежала — кое-где новые хозяева страны демонстрировали немалую эстетическую находчивость. Взять хотя бы область архитектуры — на старые здания, строившиеся до революции для определенных целей и исполнявшие определенные функции, большевики неустанно примеряли новые маски — по мере отмирания, по их мнению, прежних, органических, функций. Безумный архитектурный карнавал по всей стране в 1920—1930-е годы (да и позже!) шумел нешуточный — стать невольным его участником довелось и Троицкому храму. В процессе примерки на него разнообразных — как культурных, так и сугубо утилитарных — масок здание оказалось жестоко изранено и совершенно обезображено.

▼ *Стилизованные окна Троицкой церкви — один из «фирменных знаков» творчества Ф. Шехтеля.*

Но — по порядку.

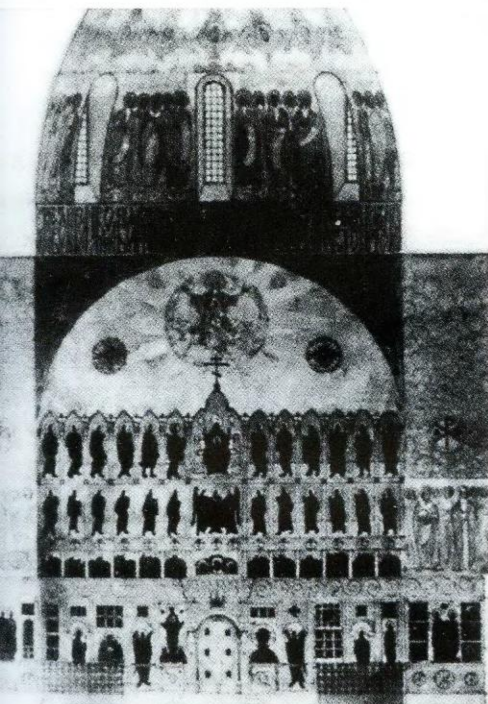
На излете дыхания

Разразившаяся Первая мировая война спутала все карты строителям балаковского Троицкого храма. Его оформление остановили — средства теперь пришлось тратить на военные нужды. А ведь были уже подготовлены картоны с росписями стен и купола, занимался этим тот же

художник И. О. Чириков, который создал эскизы мозаичных икон для внешнего украшения храма. Картоны эти так и не понадобились... Потому что после революции и Гражданской войны в стране, выбравшей в качестве государственной религии веру в устройство, без посредства Бога, человеческого рая на земле, участь божеских храмов была предрешена. Единственное, что успела сделать дочь А. М. Мальцева Екатерина Анисимовна, его наследница, — это в 1914—1916 годах реконструировать баптистерий, существенно расширив его. В 1915 году главы храма были покрыты сусальным золотом.

На этом обустройство церкви закончилось, далее началось ее развоплощение.

Первым актом этой трагедии стало ограбление храма в начале 1920-х годов. В Троицком храме грабить было что. Руководствуясь принципом «в новой церкви всё только самое лучшее», Анисим Михайлович Мальцев за немалые деньги приобрел для нее огромное количество древних, донико948оновских, икон, замечательную утварь, уникальные богослужебные книги. Пятиярусный иконостас поражал воображение заключенными в нем бесценными сокровищами.

▲ *Так выглядел иконостас Троицкого храма до революции. Вверху можно рассмотреть алтарные росписи.*

Троицкие колокола

Анисим Михайлович Мальцев, еще только обдумывая идею строительства невиданного в Балакове (да, вообще говоря, и во всей России) храма, сформулировал принцип: «Все самое лучшее!» И этому принципу следовал, когда готовился проект, когда начались строительные работы, когда Шехтель, на склоне лет признавшийся в одном из писем, что считает балаковскую Троицкую церковь лучшим своим творением, приступал к оформлению храма, когда наконец храм снабжался необходимой утварью.

Это касалось и устройства звонницы.

Троицкие колокола должны были быть самыми мелодичными в округе. Они такими и стали — местные жители гордились их звучанием.

Есть сведения, что для определения оптимального состава металла для колоколов в Балаково был приглашен Цезарь Кюи, знаменитый композитор, один из основателей «Могучей кучки». Надо признать, что если это так, то престарелого Цезаря Антоновича, которому шел уже восьмой десяток, требовалось чем-то не на шутку увлечь, чтобы он отправился в столь далекую поездку. И этот интерес наверняка был не меркантильного свойства — заслуженный профессор фортификации, а по воинскому званию инженер-генерал недостатка в средствах не испытывал. Впрочем, возможно, это и легенда, коих вокруг Троицкого храма вьется множество, что только еще раз подчеркивает всю его необычность.

Большой колокол Троицкой звонницы перед его подъемом на колокольню. Октябрь 1912 года.

Правда, сам выбранный процесс отливки колоколов «скорректировал» состав металла, даже если он и был определен заранее. Дело в том, что лили колокола на площади, при большом скоплении народа, который в порыве благочестия бросал в кипящий металл драгоценные украшения из серебра, золота, платины. Как это ни странно, такой «оригинальный» способ изготовления колоколов не убавил их мелодичности. Может быть, даже улучшил ее.

Всего в октябре 1912 года на колокольню подняли 17 колоколов. Самый большой из них, на отделку которого пошло 60 пудов серебра, поднимали последним, 22 октября. Прослужил он восемнадцать лет, неизменно радуя балаковцев своим голосом. В 1930 году, при ликвидации колокольни, его сбросили вниз. Ударившись о землю, колокол разбился — осколки были собраны милиционерами и вывезены в неизвестном направлении.

Чтобы не заниматься сейчас перечислением богатств Троицкого храма «вслепую», обратимся к документу, эти богатства описывающему сухим языком коммунистического чиновника. Документ этот датируется 1924 годом и является описью старообрядческой церкви. Умерший в том году вождь мирового пролетариата незадолго до смерти призывал завести в советском государстве строгий учет и контроль национализированного имущества, к которому большевики отнесли и церковную собственность. А отнеся, принялись с азартом «учитывать» ее и «контролировать».

Цитируем:

«1. Храм с приделами и колокольней. На колокольне 17 колоколов.

2. В алтаре престол и жертвенник. Евангелие в медном окладе (угольником).

3. Три запрестольные иконы, крест в серебряном окладе и две в басме.

4. На горном месте 3 больших иконы в басме, 5 больших киотов

с иконами без окладов и 15 икон без окладов…

8. Иконостас пятиярусный, обитый басмой, в нем икон с клиросными: больших 73 и 45 маленьких.

9. Во всем храме икон, по правой и левой стороне, больших 18 по правой и 18 по левой стороне, и небольших около 180 икон…

▲ Игорь Эммануилович Грабарь. Фотография 1956 года.

12. Икон в разных местах разного размера в окладе 33 и 136 без оклада, 6 в басме, 2 креста в басме, 6 медных складней, 12 маленьких медных икон и 3 креста медных.

13. В неотделанном приделе икон разного размера: 51 в басме, 5 в окладах и 114 без окладов…»

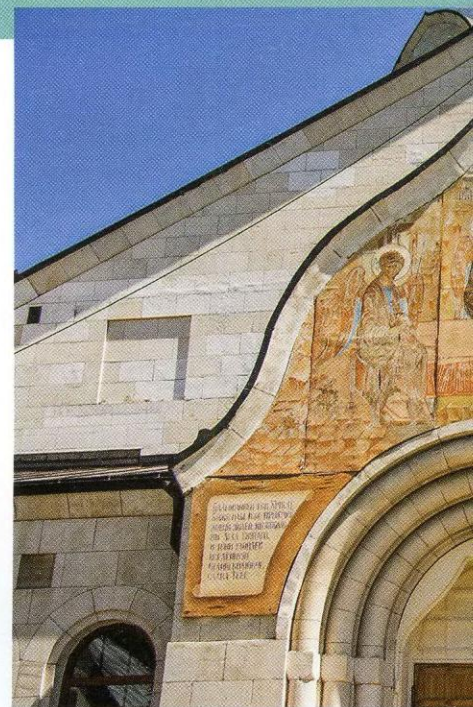
Предоставляем читателю самому суммировать эти сухие цифры — результат окажется внушительным. А ведь многим из этих образов, старого письма, цены не было.

Всё это исчезло после 1929 года, когда старообрядцев вынудили покинуть свою церковь, — сохранились лишь две чудесные дубовые скамьи, которые ныне хранятся в Музее истории Балакова. Формально храма у верующих не отбирали, но, применив иезуитские методы, заставили их отказаться от здания «добровольно». Заставили, наложив на общину непосильный налоговый гнет. В конце 1929 года фининспектор предложил ей к 1 января 1930 года выплатить более 2000 рублей налога и более тысячи рублей страховой повинности, предупредив, что в случае неуплаты договор со старообрядцами будет расторгнут, а здание у них отберут. Столь немыслимой (по тем временам) суммы у них не имелось, и им пришлось уйти из храма.

Переживая за его судьбу, верующие в 1929 году отправили запрос в Москву, на имя директора Центральных государственных реставрационных мастерских И. Грабаря, с просьбой подтвердить художественную ценность здания. Ответ был обескураживающим — «мальцевская» церковь не является памятником архитектуры и охране не подлежит. Вряд ли стоит задним числом обвинять Грабаря в пристрастии — он действительно не любил модерна, стиля, который к тому же в СССР был объявлен буржуазным и порочным. При этом Грабарь сообщил председателю Балаковского горсовета, уже после закрытия храма, в 1930 году, что мозаичные панно, украшающие здание, считаются памятником монументального искусства и находятся на государственной охране. После этого власти отказались от мысли разрушить церковь. Так мозаики спасли храм от гибели. Но не от осквернения. Здесь решено было устроить театр.

Песни и пляски

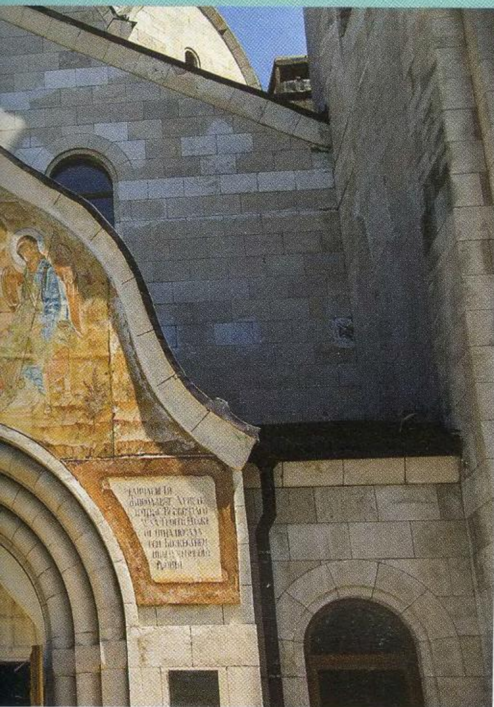
Театру присвоили имя героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, выросшего в Балакове. Разумеется, здание пришлось перестраивать, а точнее — калечить. О главах и крестах даже говорить нечего — их убрали в первую очередь. Потом наполовину укоротили колокольню. Разрушили алтарь, построив здесь театральную сцену. При входе в храм сломали фронтон с мозаикой рублевской Святой Троицы — тут даже авторитетное свидетельство Грабаря о великой ценности этого панно не помогло. На этом месте появилась двухэтажная пристройка. Северная мозаика с иконой Божией Матери «Знамение» тоже по сути исчезла — это мозаичное панно «пленили», закрыв пристроенным к северному фасаду танцевальным залом.

▲ Ныне фронтон над входом в храм восстановлен, и на него помещена «имитация» уничтоженного богоборцами мозаичного панно «Святая Троица». Надо думать, когда-нибудь на этом месте появится настоящая мозаичная копия оригинального изображения.

Не придумав, что делать с южной мозаикой Спаса Нерукотворного об-

▲ *После Великой Отечественной войны Балаково превратилось в крупный промышленный центр. Особенно быстро развивалась здесь энергетика: в 1960-х годах была пущена Саратовская ГЭС (ее плотину читатель может увидеть на этой фотографии), а в 1980-х годах — Балаковская атомная электростанция.*

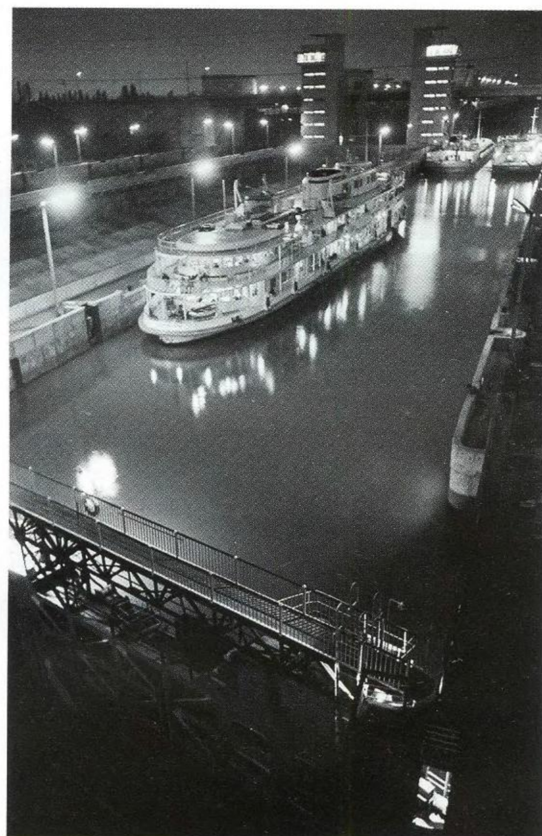
раза, ее просто закрасили. Однако эта икона богоборцам оказалась не по силам. Старожилы Балакова свидетельствуют — сколько бы южную мозаику ни замазывали и ни закрашивали, ежегодно к празднику Пасхи она неизменно проявлялась. Эта борьба местных властей со Спасом продолжалась до новейших времен, и ее неуспешность вселяла в сердца верующих надежду на возрождение поруганного храма. Надежду, как мы теперь знаем, неложную.

▼ *Начало реставрации Троицкого храма. Он еще имеет «клубный» вид, но над крестильней уже вознеслась глава с крестом.*

Театр занимал здание церкви до 1941 года, потом в ней размещался склад сельхозпродуктов, а в 1960-х годах постройку передали машиностроительному заводу им. Ф. Дзержинского для устройства в ней дворца культуры. Разрушительная волна поднялась с новой силой — теперь доламывали то, что не успели доломать прежние хозяева. В 1970-х годах в храме работал и ЗАГС — увеселение тогда здесь достигло своего апогея.

Когда в конце 1980-х годов завод построил наконец-то для себя новый клуб, храм стал бесхозным. В духе того далекого уже времени с его «как бы» заботой о культуре, освобожденной из-под пресса идеологии, предполагалось создать в бывшей церкви музей зодчества со студенческим конструкторским бюро, которое бы занялось благоустройством мемориальных зон Балакова. Однако этим планам не суждено было сбыться — вскоре заговорили о восстановлении исторической справедливости, и в 1989 году Троицкий храм передали Русской Православной Церкви. Почему не староверам — вопрос особый, мы его сейчас обсуждать не будем, дабы не «заговориться».

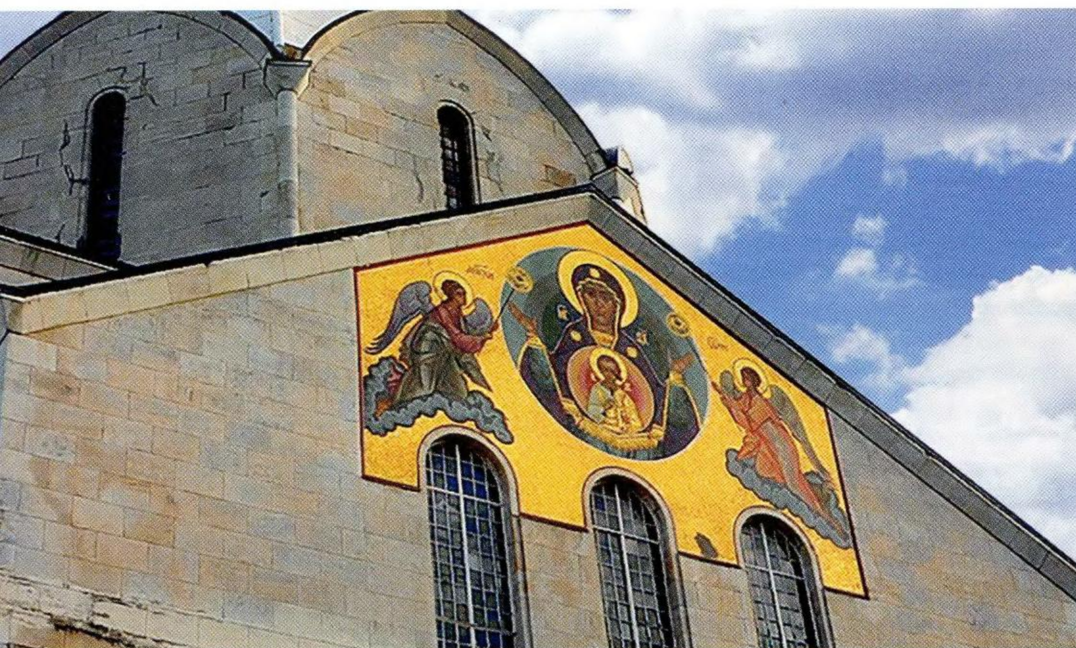

▲ *Этот фотоноктюрн 1983 года показывает движение пассажирских теплоходов через Волжский шлюз в Балакове.*

Предстояли большие труды по восстановлению святыни.

После плена

В Троицком храме сегодня пребывает немало старых икон, есть здесь и частицы мощей святых, частицы великих христианских реликвий. Единственное, чего нет, — это следов тех богатств, которыми снабдил церковь ее заказчик — Анисим Михайлович Мальцев. Из плена освобождены лишь два мозаичных панно, украшающих южный и северный фасады храма.

▲ *Мозаичная икона Божией Матери «Знамение» на северном фасаде Троицкого храма.*

В предыдущем разделе мы писали об огромном количестве древних икон, о дорогой утвари и бесценных богослужебных книгах, которые хранились в Троицком храме со времен его освящения и до тех пор, пока в церковь не явились «конфискаторы»-богоборцы, буквально вычистившие дореволюционные богатства балаковского старообрядческого храма.

Не сохранилось буквально ничего. Хотя… святынями ведь можно назвать и «внешние» иконы храма, помещенные над входом в него и на южный и северный фасады. Их было три: Святая Троица — с запада, Спаса Нерукотворного образ — с юга, икона Божией Матери «Знамение» — с севера. Западную мозаику новые хозяева здания уничтожили в 1930-х годах, когда переделывали его под театр; северную — скрыли возведенной пристройкой; южную ежегодно — по мере ее проявления — закрашивали. Ныне северное и южное мозаичные панно открыты — они производят огромное впечатление, особенно — Спас, размещенный со стороны широкой Набережной улицы, откуда открываются самые выигрышные виды на Троицкий храм. Икона Божией Матери «Знамение» обращена в тесный церковный двор — тут возможностей рассмотреть мозаику без помех меньше.

Мозаики эти выполнялись по картонам И. О. Чирикова, представителя мстёрской иконописной школы, в петербургской мастерской В. А. Фролова, которая была, пожалуй, лучшей в России начала XX века. Вообще, мозаичные украшения храмов (да и гражданских построек) обрели популярность во второй половине XIX столетия, с утверждением в отечественной архитектуре эклектики, а позже модерна. «Заказ» эпохи одним из первых услышал старший брат В. А. Фролова — Александр Александрович. Они были сыновьями мозаичиста Академии художеств А. Н. Фролова — так что выбор мозаики в качестве приложения их творческих сил не являлся случайным. В конце 1880-х годов А. А. Фролов изучал так называемый венецианский мозаичный метод в Италии.

▲ *Ковчег с частицами мощей святых и христианских реликвий.*

Этот метод (его еще называют «методом обратного набора») предполагает выкладывание материала лицевой стороной вниз, на кальку с рисунком, и закрепление мозаики с помощью клея или цемента. Он необыкновенно ускорял работу мозаичиста, так как не требовал монтажа мозаики не-

▲ *Казанская икона Божией Матери размещена на южной стене, рядом с Распятием.*

посредственно на месте — в данном случае можно было собирать мозаику в мастерской.

Вернувшись в Россию, А. А. Фролов в 1890 году организовал мозаичную мастерскую, которая вскоре выиграла конкурс на украшение храма Воскресения Христова (Спаса-на-Крови), возведенного на месте гибели от бомбы народовольцев императора Александра II. После этого заказы на фроловскую мастерскую посыпались градом. В 1897 году А. А. Фролов скончался, и мастерскую возглавил его брат Владимир Александрович — ему и довелось изготавливать мозаики для Троицкого храма в Балакове. Обращение заказчика строительства и автора проекта именно в эту мастерскую удивления не вызывает —

► *Икона трех святителей: Патриарха Тихона (Беллавина) и священномучеников Гермогена (Долганёва) и Германа (Косолапова).*

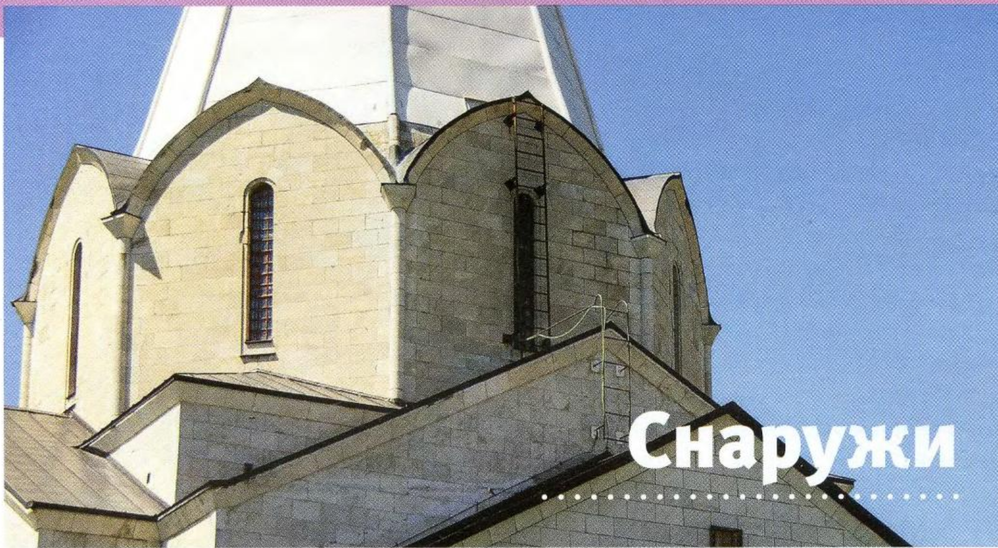
слава о ней в 1900-х годах гремела по стране, и. А. М. Мальцев, задумавший построить лучшую церковь в России, не мог, разумеется, пройти мимо знаменитого петербургского мозаичиста. Ныне любой житель или гость Балакова может убедиться в том, что популярность В. А. Фролова не была дутой, его действительно можно назвать великим мастером своего дела.

Из святынь, пребывающих внутри Троицкого храма, отметим ковчег с частицами мощей святых и частицами христианских реликвий. Перечисляем их: частицы мощей великомученика Димитрия Солунского, великомученицы Варвары, святителя Луки (Войно-Ясенецкого), частицы Древа Креста Господня, камня гробницы святого пророка Елисея, камня Гроба Господня, мантии преподобного Серафима Саровского, мантии святителя Игнатия (Брянчанинова), гроба старца Иоанна Оленевского, престола, в котором хранятся мощи преподобного Нила Мироточивого.

Икон, в том числе и старого письма, в Троицком храме имеется немало — и в центральной его части, и в приделе святого благоверного князя Александра Невского. Полное (да и частичное) их описание невозможно за недостатком места. Отметим икону трех святителей в резном киоте справа от царских дверей — она любопытна тем, что на ней, помимо Патриарха Тихона (Беллавина), изображены святые, жизнь которых была напрямую связана с Саратовской землей, — священномученик Гермоген (Долганёв), епископ Тобольский и Сибирский, и священномученик Герман (Косолапов), епископ Вольский. О первом из них мы подробно рассказывали в выпуске нашей серии, посвященном саратовскому Троицкому собору (№ 155). Владыка Герман (Косолапов) являлся викарным епископом Саратовской епархии с февраля 1918 года и был расстрелян большевиками в октябре 1919 года.

▲ *Распятие с предстоящими Пресвятой Богородицей и апостолом Иоанном Богословом.*

«Традиционный» фрагмент Троицкого храма: шатер на восьмигранном барабане, украшенный стилизованными кокошниками.

Традиция и модерн

Любопытно: старообрядцы, получившие в 1905 году право строить для себя каменные храмы, заказывали их, как правило, признанным мастерам модерна. Казалось бы, почему? Ведь модерн, пришедший в Россию из Европы, был принципиально наднациональным стилем, отвечавшим вкусам стремительно образовывавшейся и «утончавшейся» буржуазии, в массе своей космополитичной, не так ли? Вообще говоря, так. Но в области русского храмового зодчества модерн, да простится нам некоторая тавтология, модернизировался, принявшись решать задачи, не решенные его предшественниками — той же эклектикой, например. В XIX веке в России в полный рост встала проблема возвращения к национальным корням — в зодчестве это стремление выразилось в обращении мастеров к архитектуре древних русских храмов, однако обращение это, вообще говоря, не достигло заявленных целей, так как копирование отдельных деталей, признаваемых за характерные для древнерусского зодчества, не приводило к наследованию духа построек: выходили бледные копии, не вполне понятно для чего произведенные.

Мастера модерна кардинально изменили подход к решению поставленной задачи. Они тоже внимательно присматривались к особенностям древнерусского зодчества, но в своих работах, «романтически» компонуя знакомые по сохранившимся древним храмам детали, старались избегать копирования, пытаясь дать не слепую «копию», а цельный «образ» древней церкви.

Именно так работал Федор Шехтель, и самым удачной его работой на этом поприще стал проект балаковской Троицкой церкви. Старообрядцам, на дух не переносившим послениконовского храмового зодчества, он явным образом угодил, но все-таки — есть ли модернистские преувеличения и «неясности» в этой постройке? Вероятно, все-таки есть — неслучайно писавшие о ней исследователи предлагали совершенно разные ее «истоки». Все признавали ее укорененность в псковско-новгородском средневековом зодчестве, но при этом говорили и о «готическом эхе» в ней, и даже возводили ее к христианским храмам древнего Закавказья... Иноземный «привкус» казался столь очевидным, что существовала легенда, утверждавшая: белый камень для строительства церкви доставляли из каменоломен Швеции. Между тем мы знаем, что он был местным, жигулевским.

Удивительный, совершенно неповторимый все-таки храм вышел у Шехтеля!

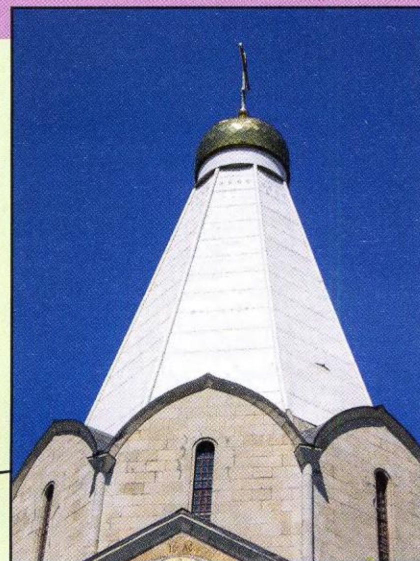

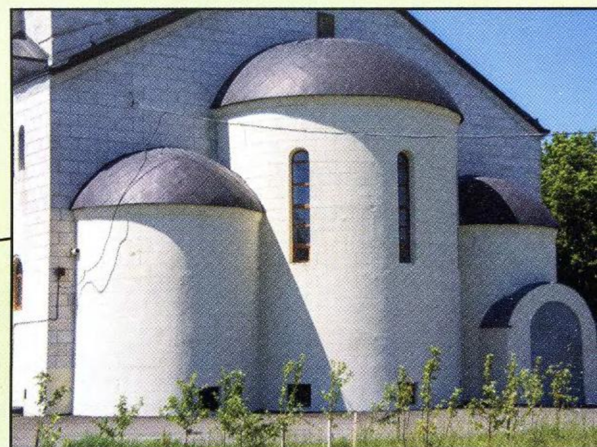
Ярославский вокзал в Москве на дореволюционной открытке. Фасад вокзального здания был реконструирован Ф. Шехтелем в 1902—1904 годах. Шехтелевская рука тут узнается с первого взгляда.

Обзорная площадка

Шатер

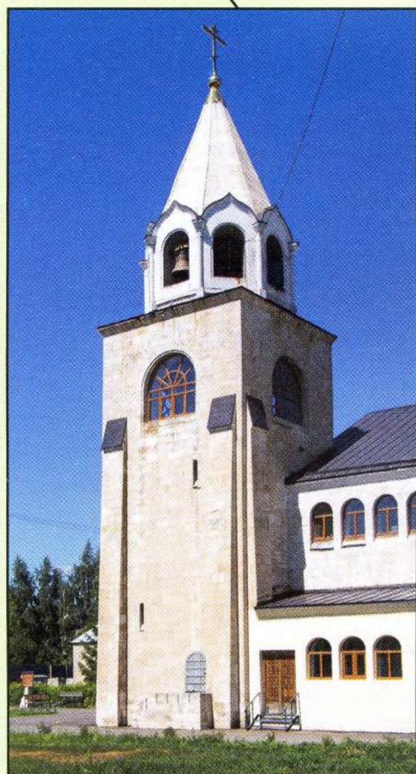
Высокий восьмигранный шатер, являющийся воплощением духа дониконовского храмового зодчества, поставлен на восьмигранный барабан, украшенный «древнерусскими» кокошниками и водруженный, в свою очередь, на четверик. На шатре — одна из трех глав храма (две другие — на колокольне и крестильне). Троичность здесь несет на себе символический смысл — это отмечал сам Ф. Шехтель в пояснительной записке о своем детище: «Шатровый бесстолпный храм из белого камня с тремя главами, символизирующими Животворящую Троицу». Мотив Троицы, кстати, звучит и в тройных окнах с арочными завершениями, которые прорезают фасады храма.

Апсиды

Апсиды алтарной части Троицкого храма переносят нас в средневековый Псков или Новгород, хотя без стилизации тут, конечно, не обошлось. Однако все характерные псковско-новгородские черты налицо: три апсиды узнаваемой формы сильно выдвинуты на восток, понижены относительно основного четверика, имеют полусферическое перекрытие; при этом боковые апсиды меньше центральной и по высоте, и в диаметре.

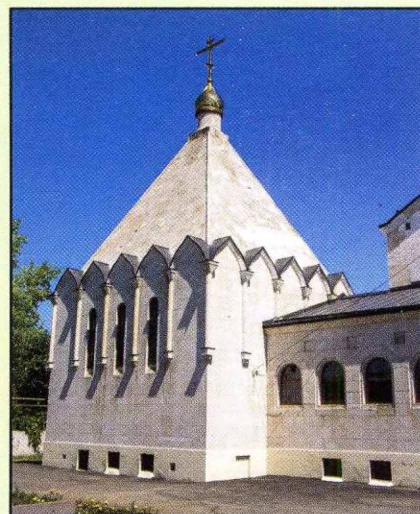

Колокольня

Колокольня стилистически едина со всей постройкой — те же абсолютно гладкие, практически лишенные декора, «сверкающие» стены, та же строгость и лаконичность форм: здесь действительно слышна некая «закавказская» музыка. Но только в нижнем ярусе — ярус звона представлен совершенно «древнерусским» восьмериком, грани которого венчают кокошники; выше — еще один «символический» шатер.

Баптистерий

Крестильня изначально имела гораздо меньшие размеры. Она перестраивалась и «расстраивалась» уже после освящения Троицкого храма; ныне в ней устроен придел во имя святого благоверного князя Александра Невского. Тут тоже единство стиля — гладкие стены, разделенные на доли полуколонками, которые переходят в кокошники; тройные щелевидные окна; завершение в виде шатра.

Троицкий храм

Балаково

(Саратовская обл.)

Внутри

ИНТЕРЬЕР Троицкого храма довольно прост, но это простота не без изысканности, не без тайной архитектурной мысли. Да по-другому, наверное, в храме, созданном Федором Шехтелем, и быть не могло. Очень жаль, что из-за начала Первой мировой войны оформительские работы в церкви были прекращены: Шехтель, по преимуществу выступавший дизайнером интерьеров своих построек (можно вспомнить великолепный дизайн спроектированных им особняков московских купцов: Морозовой, Рябушинского и т. д., который давно комментируется как высокое произведение искусства), предполагал украсить храм внутри мозаиками и росписями, а двор обнести кованой оградой (тоже его «фирменный» конёк). Вероятнее всего, случись так, всё это богатство было бы изуродовано или полностью уничтожено в те времена, когда в храме действовали культурно-развлекательные учреждения, но наверняка остались бы фотографии — и нам было бы о чем поговорить, чем в очередной раз восхититься.

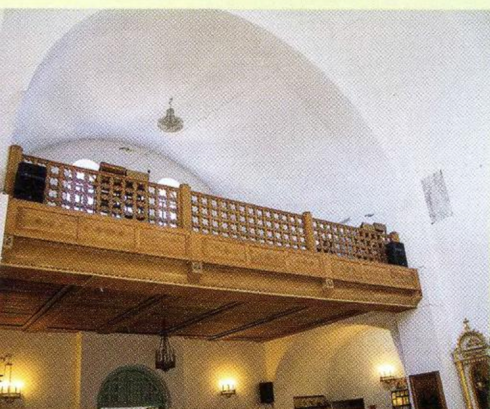
Увы, ничего этого не случилось.

Сегодня, зайдя в храм и миновав притвор, мы попадаем в пространство, ограниченное ослепительно белыми стенами. Впрочем, в этом есть своя красота — особенно при огромных размерах молитвенного помещения. Ф. Шехтель определял вместимость храма в 1200 человек; при беглом взгляде на церковь изнутри чудится, что сюда может войти и больше. Площадь необыкновенно велика — при отсутствии столпов и минимуме декора она кажется еще больше, чем есть на самом деле.

Здесь царствует кривая линия (известная примета модерна), по преимуществу арка. В некотором смысле внутренние детали оформления повторяют внешнюю структуру, но только в некотором — это, вообще говоря, преломленный и смягченный отклик. Все строгие прямые линии экстерьера превращаются внутри храма в плавные линии арки: это касается и внешних щипцов, и восьмигранного барабана (он изнутри перекрыт полусферическим сводом, закрывающим шатер). С размашистыми арочными нишами перекликаются арки дверных проемов, полуциркульные завершения окон, а также арки, отделяющие одни внутренние помещения от других. Сквозная мелодия арки.

▲ *Центральный иконостас.*

▲ *Деревянные хоры, как и полагается, устроены в западной части храма.*

▲ *В узких оконных проемах есть что-то неуловимо готическое. Хотя, в принципе, понятно, откуда Шехтель позаимствовал эту форму: из оригинальной псковско-новгородской архитектуры.*

▲ *Интерьер Александро-Невского придела. Изначально эта пристройка возводилась как крестильня (баптистерий). Впрочем, крестят здесь и сейчас.*

В крестильне, куда можно пройти из притвора, освящен небольшой придел святого благоверного князя Александра Невского. Цилиндрический свод алтарной части придела — это тоже по сути своей арка.

«Легендарная» подробность — как утверждают балаковские старожилы, из храма за реку Балаковку и к усадьбе П. М. Мальцева изначально вели подземные ходы, укрепленные кирпичной кладкой. Их появление объясняют усвоенной в годы гонений привычкой староверов устраивать себе «запасные пути» на случай внезапной опасности. Если эти ходы действительно существуют, то было бы необыкновенно интересно найти и открыть их.

Цифры и факты

Троицкий храм представляет собой бесстолпную шатровую постройку, творчески стилизующую формы средневекового псковско-новгородского зодчества.

Строился храм в течение пяти лет: с 1909 по 1914 год. Принадлежал балаковским старообрядцам. Действующим оставался пятнадцать лет, после чего в нем разместили театр имени В. И. Чапаева.

Ныне храм отреставрирован и входит в юрисдикцию Покровской и Николаевской епархии в составе Саратовской митрополии Русской Православной Церкви.

Структура храма

Обозначения

1. *Центральный шатер*
2. *Декоративные кокошники, венчающие восьмигранный барабан*
3. *Колокольня: ярус звона*
4. *Центральный иконостас*
5. *Копия мозаичного панно «Святая Троица», уничтоженного в советские годы*
6. *Главный вход в храм*
7. *Придел святого благоверного князя Александра Невского*

Остатки былой роскоши

Богатейшее купеческое село, каковым Балаково стало к рубежу XIX—XX веков, соответствующим образом и обустраивалось. Ныне старая часть города являет нашему взору немало купеческих особняков и усадеб, являющихся памятниками архитектуры. Увы, состояние некоторых из них близко к аварийному.

▲ *Старое Балаково: Московская улица на дореволюционной открытке.*

В названии этого раздела есть сознательный «перебор» — особенно уж «роскошным» Балаково никогда не было. А было — торговым. Большое количество живших здесь купеческих семейств, по преимуществу старообрядческих, имело своим следствием формирование особой городской среды, «единицей» которой выступала богатая купеческая усадьба, каждая со своим довольно герметичным миром; староверы и вообще, в силу исторических обстоятельств, привыкли жить обособленно, «за забором», с опаской. То, что находилось внутри усадебной ограды, радовало глаз чистотой, порядком и ухоженностью; то, что оставалось вне этой ограды, нередко выглядело запущенным. Этим объясняется парадокс балаковской жизни рубежа XIX—XX веков: при относительно высоком уровне благосостояния жителей села оно особой благоустроенностью не блистало — по свидетельствам современников, весной и осенью на улицах стояла такая непролазная грязь, что для того, чтобы проехать по ним, приходилось запрягать в воз несколько пар волов.

Тем не менее. Старая часть Балакова, находящаяся ныне на рукотворном острове, который образовался после устройства в 1950-х годах судоходного канала в обход плотины Саратовской ГЭС, сохранилась на удивление хорошо: сохранились и историческая планировка XVIII века, и в великом множестве усадьбы и особняки постройки XIX — начала XX веков. Только официально признанных памятников архитектуры здесь насчитывается более 130-ти! Но есть проблема — она заключается в том, что город относится к своим памятникам не слишком бережно: многие из них перестраиваются, другие ветшают на глазах, третьи безжалостно сносятся, а на их месте вырастают типовые многоэтажки. Глядя на все это, хочется назвать историческую среду «былой роскошью», или более жестко — ее «остатками». И, покуда остатки эти еще густы, отцам города не грех обратить на них пристальное внимание. Спасти и привести в должный вид. В сущности, Старый город Балакова, при достойном к нему отношении, вполне может

претендовать на статус «музея под открытым небом». Но сейчас ему до этого статуса ой как далеко.

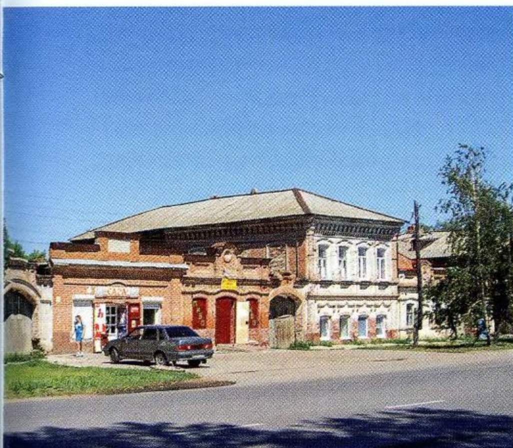
Сегодня мы будем гулять по старой части Балакова, стараясь не слишком замечать недостатки. Стараясь — все-таки! — любоваться увиденным и мысленно воспроизводить то, «как было».

Рядом с Троицким храмом

В ста пятидесяти метрах от Троицкой церкви, на другой стороне улицы Ленина (бывшей Новоузенской), стоит здание Речного училища — примерно такое же расстояние отделяет его от озера Балаковка, любимого места летнего отдыха местных жителей, от которого рукой подать до Волги, а точнее — до Саратовского водохранилища. Строилось это здание для коммерческого училища, основанного заботами щедрого мецената Ивана Васильевича Кобзаря. Это было первое учебное заведение Балакова, дававшее среднее образование, — причем учились в нем как мальчики, так и девочки, что в дореволюционной России было большой редкостью. Открыли училище в 1909 году. Пока шло строительство здания для него, на которое (равно как и на оснащение училища учебными пособиями) Иван Васильевич выделил 60 тысяч рублей, для учебных занятий он предоставил собственный дом, выселив из него коммерческий клуб. 2 сентября 1912 года училище переехало в новое здание — по тем временам весьма просторное и удобное. Собственно, оно и сегодня бы вполне отвечало учебным целям, если бы не было сильно запущено. Типичное учебное здание в нем опознается без труда — по огромным окнам и внешней структуре, отвечающей внутреннему делению на классы. В предвоенные годы в бывшем коммерческом училище действовала средняя школа, во время войны здесь содержали пленных немцев, после войны его передали Речному училищу.

Здание нуждается в ремонте и реставрации.

▼ *Современные улицы Старого города сохранили дореволюционный колорит.*

▲ *Бывшая усадьба П. М. Мальцева.*

▲ *Здание коммерческого училища.*

Усадьба П. М. Мальцева

По улице Ленина идем к «главному» архитектурному памятнику Балакова, имеющему федеральный статус, — бывшей усадьбе хорошо знакомого нам Паисия Михайловича Мальцева. Усадьба занимает угол улиц Ленина и Коммунистической (бывшей Николаевской) — в главном ее доме ныне размещается музей.

Этот участок земли Паисий Михайлович приобрел еще в 1886 году. Чуть позже был выстроен усадебный дом с мансардой — по проекту Ф. И. Шустера. В 1912 году П. М. Мальцев решил перестроить его, пригласив сделать это Ф. Шехтеля. Молва связывала его решение с тем, что купец тогда ожидал приезда иностранки, в которую влюбился за границей.

Шехтель постарался на славу — дом Мальцева совершенно преобразился: как снаружи, так и внутри. Не трогая основную коробку здания, архитектор изысканно декорировал его и полностью реконструировал интерьеры, превратив мальцевское «гнездо» в настоящий дворец. По окончании работ фасады оказались разделены рустованными лопатками на три части, с добавочным внутренним тройным делением посредством пилястр; наличники окон получили украшения в виде маскаронов; с востока появились торжественные ворота с ажурной решеткой; на тумбах парапета были установлены греческие амфоры с вырывающимся из них пламенем (символ любви); здание венчал изысканный аттик с круглым окном. Комнаты, благодаря использованному в них декору различных форм и стилей, не походили одна на другую.

Влюбленный хозяин хотел поразить свою гостью, но его ожидала неудача — Паисий Михайлович так и остался холостяком.

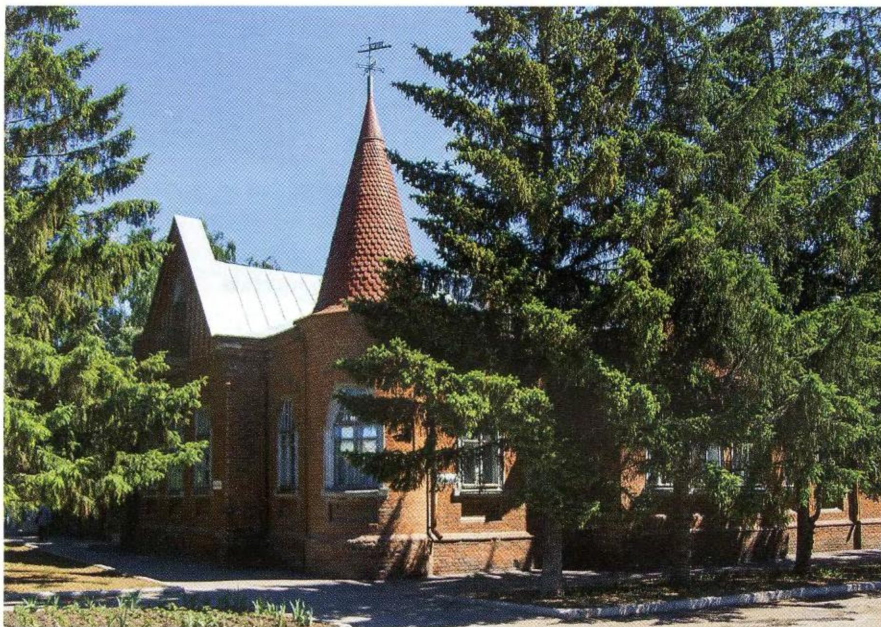

▲ *Бывшая усадьба П. А. Белякова.*

На бывшей Николаевской улице

Мы уже находимся на широкой Коммунистической улице, одной из главных в дореволюционном Балакове. Посмотрим, что здесь есть интересного. А много чего!

Напротив бывшей усадьбы П. М. Мальцева внимание привлекает серый дом с мезонином. На нем табличка: «Дом помещика А. Белякова. XIX в. Охраняется государством».

▲ *Музей истории города Балаково занимает здание, в котором присутствуют элементы неоготики — такие элементы модерн с удовольствием эксплуатировал.*

В этом сообщении по меньшей мере две ошибки. Первая — Белякова звали Павлом Александровичем. Вторая — здание это строилось в 1901—1902 годах. Третья — если не ошибка, то неточность: помещиком его именовать не вполне корректно. В России начала XX века помещичье сословие практически сошло на нет, Павел же Александрович был недавним крестьянином Балахнинского уезда Нижегородской губернии, разбогатевшим и ставшим личным почетным гражданином Балакова. Если он и имел в своей собственности землю, то это не повод называть его помещиком, скорее — землевладельцем. Усадьбу на углу Николаевской и Новоузенской улиц Беляков приобретал в два приема: первую часть — в 1890 году, вторую — в 1901-м; покончив с покупкой, он выстроил здесь усадебный дом — крепкий, добротный, обустроенный для тихой комфортной жизни.

В восточной части бывшей Николаевской улицы (это налево, если стоять спиной к Троицкому храму) нам нужно взглянуть на бывший дом В. В. Голованова (№ 100), построенный в начале XX столетия. Спутать его с другими зданиями затруднительно — во-первых, он резко выделяется из окружающей архитектурной среды своим необычным видом, а во-вторых, снабжен вывеской: «Музей истории г. Балаково». Что до необычности, желанной заказчику, известному балаковскому банкиру и хлебопромышленнику, то в этом здании русский кирпичный стиль рубежа XIX—XX веков осложнен элементами готики (высокие щипцы на боковых фасадах, угловая башня с конусообразным завершением) — в сумме имеем «романтический» модерн. Несколько, да, провинциальный, в столицах в подобных формах строили более витиевато и изысканно, однако и это здание увлекает своим «лица необщим выраженьем».

Музей истории Балакова существует с 1986 года — в качестве филиала Саратовского областного музея краеведения. Экспозиция его довольно интересна — советуем заглянуть.

Наш дальнейший путь лежит по Коммунистической улице в западном направлении, к ее началу. Идем неторопливо, присматриваясь к застройке — почти вся она относится к дореволюционным временам. Образцы попадаются весьма любопытные. Вот, например, дом № 41 — его иногда называют «голландским» из-за высокого узкого фасада, вплотную примыкающего с одной стороны к соседнему зданию, а с другой — к фундаментальным воротам. При этом декор фасада к Голландии никакого отношения не имеет — это парафраз на тему средневекового русского зодчества. Вверху — вензель: М.Е.С. Ничего тайного в нем нет — дом этот принадлежал крестьянину М. Е. Судакову. Как видим, в 1870-х годах, а именно тогда было построено это здание, крестьяне уже обзаводились подобными дворянскими атрибутами. Вообще говоря, в эпоху реформ Александра II в России произошла настоящая социальная революция. Но кровь тогда не лилась (за

▲ *Бывший дом М. Е. Судакова.*

▲ *Бывшая женская учительская школа.*

исключением крови самого императора), и собственно революцию в ней не опознали.

Там, где Коммунистическая улица поворачивает налево, переходя в улицу Заовражную, на углу стоит краснокирпичное здание бывшей двухклассной женской учительской школы. Типичный образец кирпичного стиля, получившего огромную популярность в российской провинции в начале XX века. Главная особенность — полное отсутствие лепнины; весь декор — исключительно кирпичный.

Коль уж мы добрались до Заовражной, то есть смысл посетить еще один музей — Балаковскую художественную галерею (филиал знаменитого Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева). Художественная галерея, появившаяся на свет в 1977 году, занимает здание, построенное в узнаваемом стиле модерн на рубеже XIX—XX веков для Торгово-промышленного банка. Здание — небольшое, что добавляет уюта залам, в которых размещена музейная экспозиции. Здесь можно увидеть картины таких известных художников, как Н. Богданов-Бельский, К. Маковский, Н. Прянишников, — из фондов саратовского Радищевского музея. Отдельный зал посвящен творчеству знаменитого мариниста А. Боголюбова, основавшего в 1885 году в Саратове общедоступный художественный музей. Имя Радищева музей получил неслучайно — Боголюбов приходился родным внуком автору «Путешествия из Петербурга в Москву». К слову, у входа в Балаковскую художественную галерею установлен памятник великому русскому просветителю.

▼ *Балаковская художественная галерея. Перед входом — памятник А. Н. Радищеву.*

▲ *Здание торгового дома Александрова ныне, как и до революции, занято коммерсантами.*

Торговые дома

В стилистике модерн в предреволюционном Балакове строили не только усадьбы, но и торговые дома, которых здесь тоже хватало, что и немудрено — село-то (а с 1911 года город) было торговым. Чтобы познакомиться с дореволюционными торговыми домами Балакова, пройдем немного по Заовражной улице и повернем налево: на улицу Советскую (бывшую Никольскую). Через три квартала, на пересечении с улицей 20 лет ВЛКСМ (бывшей Мариинской), — наша первая цель. Здание под номером 59 — бывший торговый дом. В некоторых источниках отмечается, что это бывший торговый дом Александрова, однако Александров указывается последним владельцем, а строителем этого выразительного здания с воздушным угловым эркером, увенчанным изящной башенкой, называется купец А. А. Кузнецов. Балаковский краевед Ю. Каргин, изучив архивные документы, доказал, что с Кузнецовым вышла ошибка и что строил этот дом все тот же Александров, умерший в 1912 году. На момент кончины владельца в здании размещались винно-гастрономический магазин, а также магазины одежды, обуви и головных уборов. В доме, который неплохо отреставрирован, что, вообще говоря, редкость для Балакова, сохранилась старинная чугунная лестница.

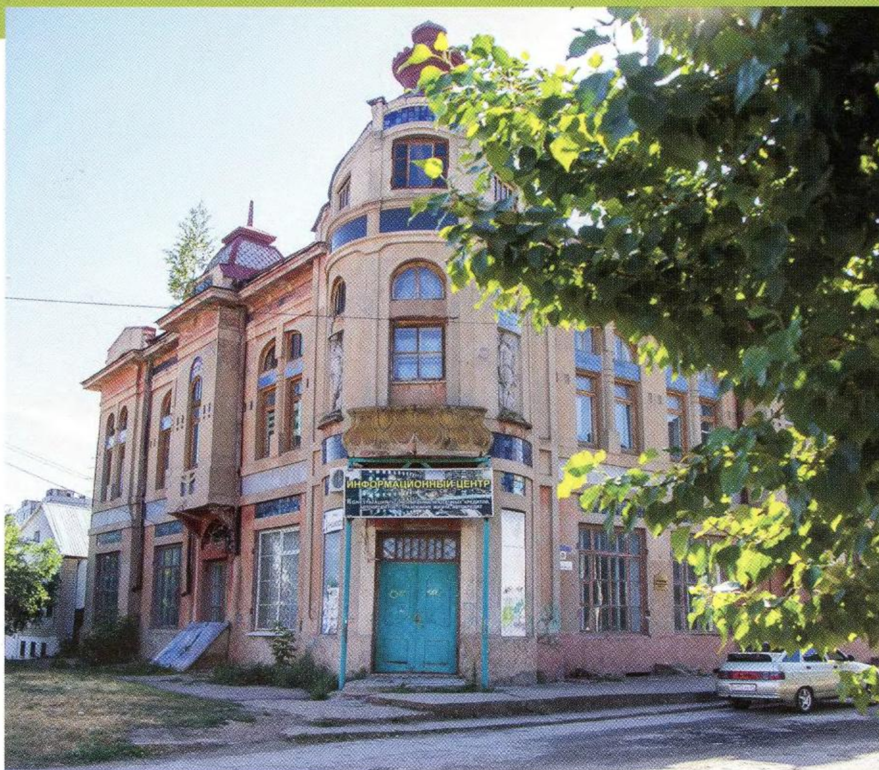
Минуем еще один квартал по Советской улице и справа видим комплекс зданий, выходящих фасадами на улицу Ленина. Выстроены эти двухэтажные, добротные, соединенные одноэтажной «перемычкой» дома в знакомом нам кирпичном стиле. Это — один из крупнейших архитектурных ансамблей старого Балакова: гостинно-торговый комплекс купца А. В. Смирнова. Возведен на рубеже XIX—XX веков, когда в Балакове, как нетрудно догадаться, гремел строительный бум. В главном здании комплекса на втором этаже находилась гостиница, на первом — традиционно работал магазин. Об Александре Васильевиче Смирнове известно, что в Балакове его весьма уважали за деловые и человеческие качества. Кроме того, в истории Балакова он остался как первый купец, получивший гильдейское удостоверение после преобразования села в город (до того такие удостоверения здесь выдавать не дозволялось). Произошло это в декабре 1914 года. Строго говоря, именно Смирнов стал первым «официальным» балаковским купцом.

Напоследок нам непременно нужно увидеть здание торгового дома А. А. Шмидта, которое является одним из архитектурных символов города. Находится оно на углу улиц 20 лет ВЛКСМ и Чернышевского (бывшей Самарской). Постройка — 1912 года, очевидный модерн, из лучших образцов этого стиля в Балакове. Последний факт позволяет некоторым авторам утверждать, что в проектировании здания принимал участие Ф. Шехтель, как раз в это время наведывавшийся в Балаково присматривать за строительством Троицкого храма.

▲ *Ансамбль торгового дома А. В. Смирнова.*

А. А. Шмидт являлся одним из крупнейших торговцев Самарской и Саратовской губерний, специализировался он на продаже сельхозорудий, мануфактуры, галантереи, оружия. Сохранился перечень товаров,

▲ *Бывший торговый дом А. А. Шмидта — один из архитектурных символов Балакова.*

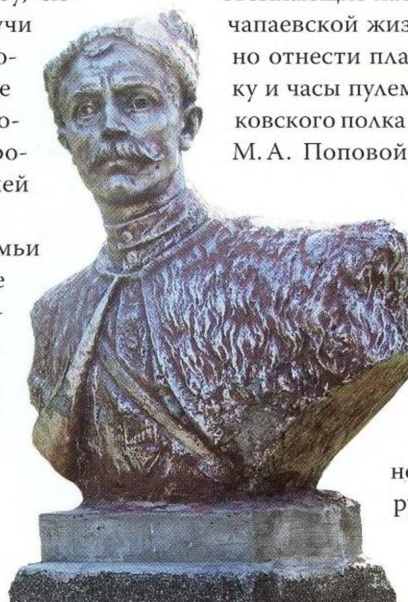
представленных в его балаковском магазине, — среди них: револьверы, охотничьи ружья, порох, швейные машинки «Зингер», велосипеды Лейтнера, косилки Бадовского, автошины «Континенталь», бензин и масло «Гаргойль» и т. д. Внутренняя планировка здания, по свидетельству современников, напоминала петербургский «Пассаж» — второй этаж представлял собой открытую торговую галерею. Тогдашние интерьеры, к сожалению, не сохранились, но внешний облик здания остался неизменным: особенно хороши тут фигурный балкон, эркеры с башенками, необычное «криволинейное» окно северного фасада и скульптуры, помещенные в ниши: герои скульптур подбирались так, чтобы подчеркнуть назначение здания, — это бог торговли Меркурий, богиня охоты и плодородия Диана, а также сеятель и жница.

В ПАМЯТЬ О ЗНАМЕНИТОМ ЗЕМЛЯКЕ

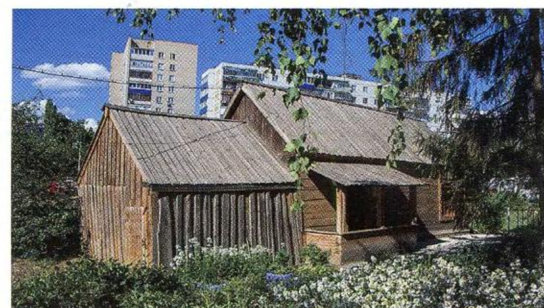
В конце нашей сегодняшней прогулки посетим Дом-музей В. И. Чапаева, самого, пожалуй, знаменитого балаковца. По балаковским меркам, музей находится далековато от центра Старого города, но в действительности расстояние до него от того же бывшего торгового дома Шмидта — не более километра: пятнадцать-двадцать минут пешком. Это территория бывшей Сиротской слободы, чье название говорит само за себя — в этой слободе обитала беднота.

Чапаев не был местным уроженцем, родился он в Казанской губернии, но в десятилетнем возрасте переехал с семьей, искавшей лучшей доли, в Балаково, обретя здесь свою вторую родину. Из этой крохотной избушки (35 квадратных метров общей площади) он уходил в 1908 году на военную службу, сюда возвращался, будучи уволенным с нее, сюда же приезжал после госпиталя в 1917 году, чтобы забрать троих детей у бросившей его жены…

Музей в доме семьи Чапаевых, где после смерти Василия Ивановича жила его дочь Клавдия, был создан в 1948 году. Музейная экспозиция повествует о балаковском периоде жизни героя Гражданской войны, и этот «мирный» фон помогает посетителю «преодолеть» те мифологические образы Чапаева, что были созданы в советские годы агитпропом и фольклорным сознанием. От мифологии устаешь, хочется увидеть живого человека… Ведь настоящей Чапаев — это не Чапаев «фантастического» культового фильма и не Чапаев множества анекдотов. Настоящий Чапаев учился в Балакове в церковноприходской школе, и родители видели в нем в будущем священника (таковые среди Чапаевых уже к тому времени были). Он и женился на священнической дочери. Настоящий Чапаев до войны занимался самым мирным трудом — плотничал, свидетельством чему в Доме-музее собственноручно изготовленный им буфет.

▶ *Бюст В. И. Чапаева был установлен рядом с чапаевским домом в 1957 году.*

▲ *Дом-музей В. И. Чапаева в Балакове действует с 1948 года.*

Есть, впрочем, здесь и экспонаты, отсылающие нас к военному сюжету чапаевской жизни. К таковым можно отнести платье, дамскую сумочку и часы пулеметчицы 225-го Балаковского полка Чапаевской дивизии М. А. Поповой, послужившей прообразом Анки-пулеметчицы в фильме «Чапаев». Но сами по себе они являются совершенно «гражданскими» вещами и общего мирного характера музейной экспозиции не нарушают.

Гостям в музее всегда рады.

Мир Шехтеля

Федор Шехтель в конце XIX века создал новаторский архитектурный язык, который усвоили многие видные зодчие начала XX столетия. Шехтелевский модерн составил целую эпоху в истории русской архитектуры.

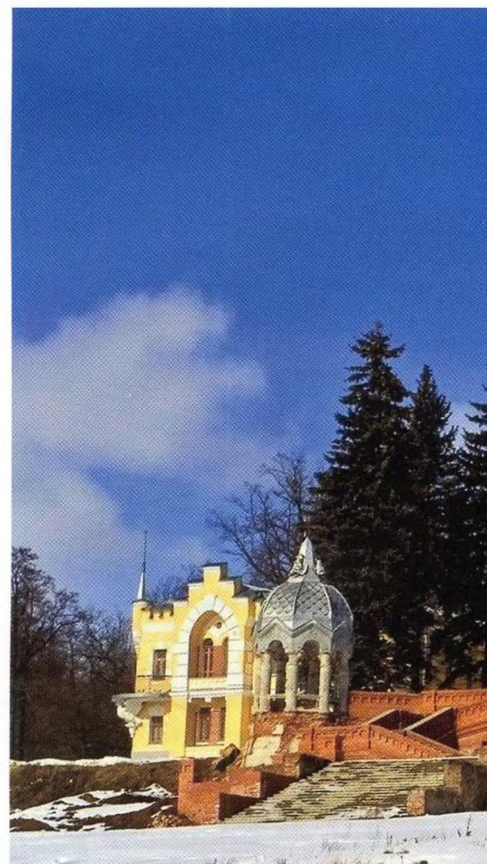
▲ Федор Осипович Шехтель. Фотография 1890-х годов.

Откуда берутся гении? Есть ли «правила» их формирования? Это — безответные вопросы. Иногда, кажется, ничто не способствует их появлению — «здесь и сейчас». Но они появляются — вопреки всему. Как внезапно «возник» Шехтель, прошедший искусы «псевдорусскости» и неоготики и в конце концов придумавший русский модерн — стиль, религией которого стало поклонение идее красоты в чистом виде.

Он родился в Петербурге в 1859 году, при рождении получил имя Франц Альберт (в православие Шехтель крестился лишь в 1915 году — с наречением Федором). Петербург архитектор никогда не считал своей родиной, он был москвичом по жизни и по духу. Тесные связи имелись у Федора Осиповича и с Саратовской землей — в этом смысле его работу в Балакове никак не назовешь случайной. Предки зодчего переехали из Баварии на Волгу в 1760-х годах, после известного указа Екатерины II. В 1820-х годах дед Шехтеля обосновался в Саратове, занимался торговлей — и весьма успешно: вскоре он стал очень богатым человеком. Богатые люди давали своим детям приличное образование — дед Шехтеля тоже отправил одного из своих сыновей, Осипа, учиться в Петербург (в Технологический институт). Там Осип Осипович женился, пошли дети, одним из которых был Франц Альберт. Однако пошатнувшиеся дела в Саратове вызвали возвращение Осипа Шехтеля на родину в 1866 году, где он вскоре, увы, умер. Семья Шехтелей после этого впала в бедность. Спасала лишь поддержка родственников.

В 1871 году мать будущего архитектора уехала в Москву, устроившись по протекции экономкой в семейство знаменитого мецената П. М. Третьякова, основателя Третьяковской галереи. Франц Альберт остался «приживалом» в Саратове,

▶ Усадебный дом в Кирицах (Рязанская область) — мечта Шехтеля о сказке, которая необходима в жизни каждому.

▼ Саратовская первая мужская гимназия, в которой учился Шехтель в начале 1870-х годов. Дореволюционная фотография.

Учитель

Александр Степанович Каминский, которого можно назвать первым, а может быть, и единственным учителем Шехтеля, родился в 1829 году в семье малороссийских дворян. По окончании гимназии он поступил в петербургскую Академию художеств, где наставником его был К. А. Тон. Грандиозный храм Христа Спасителя тогда еще строился, и Тон нередко отправлял своих студентов в Москву — надзирать за ходом работ. В роли «надзирателя» пришлось побывать и Каминскому.

В 1857 году Каминский, в числе других выпускников-медалистов Академии, был отправлен в Италию для завершения образования. За границей молодой архитектор познакомился с Павлом Михайловичем Третьяковым и близко сошелся с ним. По возвращении в 1860 году в Москву он, бывая на правах друга в доме Третьяковых, сблизился с сестрой Павла Михайловича Софьей — меж ними вспыхнула любовь, и в конце 1862 года они обвенчались. По поводу этой свадьбы Софья Михайловна писала брату: «Быть может, милый Паша, ты найдешь безрассудным с моей стороны выходить замуж за человека, не имеющего ничего. Но я остаюсь при моем убеждении, что лучше жить с маленькими средствами и большой привязанностью, чем наоборот».

Александр Степанович Каминский.

Войдя в семью Третьяковых, Каминский сделался в ней как бы «домашним» архитектором. Он построил особняк на Пречистенке для Сергея Михайловича Третьякова, затем совершил масштабную переделку дома зятя Третьяковых — В. Д. Коншина. В результате зодчий приобрел известность среди московских купцов — впоследствии он работал для Боткиных, Морозовых, Лопатиных, Охотниковых.

Вообще, работал Каминский невероятно много. По его проектам перестраивались общественные здания, возводились гостиницы, больницы, частные особняки. Немало потрудился он и на поприще церковной архитектуры.

В 1888 году на Каминского обрушилось несчастье. Обрушилось — в прямом смысле слова, поскольку несчастьем этим стало обрушение доходного дома на Кузнецком Мосту. Архитектора отдали под суд и приговорили к церковному покаянию и заключению на гауптвахте, замененному домашним арестом. В 1893 году Каминского уволили с должности старшего архитектора Купеческого общества, и с этих пор его карьера пошла на спад. Спустя четыре года он скончался.

учился в местной первой гимназии — учился плохо, во втором классе даже остался на второй год. С 1875 года он — тоже в Москве.

Начало

Вероятно, у Третьяковых юноша познакомился с Александром Каминским, видным представителем эклектики в тогдашней русской архитектуре. Тот оценил художественные дарования своего юного знакомца и взял его на работу в собственную мастерскую. По сути, это была единственная профессиональная школа в судьбе Шехтеля. По окончании сотрудничества с Каминским он развивался самостоятельно — на свой страх и риск: осваивал архитектурный опыт прошлого, далекого и недалекого, зорко приглядывался к работам современников. В 1875—1878 годах Шехтель учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ), коего не окончил, будучи отчислен «за плохую

посещаемость». Профессиональной школой этот опыт вряд ли можно назвать. Эти годы ознаменовались новыми знакомствами и дружбами: так, учась в МУЖВЗ вместе с Николаем

▲ *Братья Антон (слева) и Николай (справа) Чеховы на фотографии 1883 года. Познакомившись в пору учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с Николаем Чеховым, Шехтель вскоре подружился со всем чеховским семейством.*

Чеховым, Шехтель близко сошелся с ним, а позже и с его братом Антоном Павловичем.

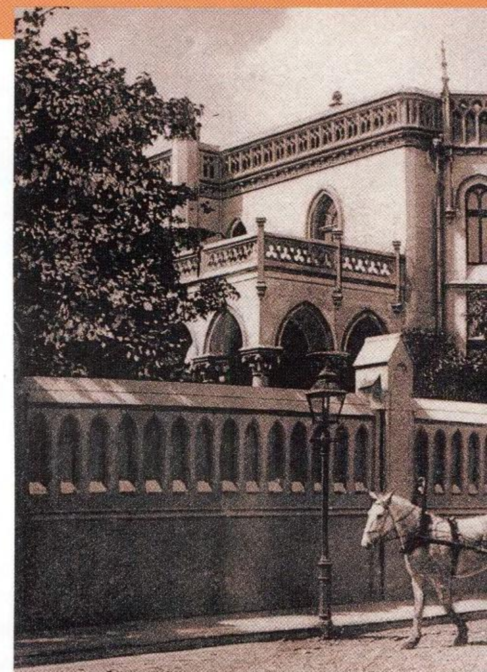
Первыми самостоятельными работами архитектора стали проекты провинциальных усадеб. Видимо, по рекомендации А. Каминского он познакомился с богатейшим семейством фон Дервизов, по заказу которых в 1883—1889 годах обновил их рязанские усадьбы — в Сохе, Старожилове и Кирицах. Да что там обновил! В тех же Кирицах Шехтель возвел сказочный дворец, настоящую невидаль, привлекавшую в эти места массу любопытствующих. Это была чистейшая эклектика — с искусной компоновкой неоготических и неорусских элементов, — но столь безудержная, как бы похваляющаяся собственной смелостью, что никто не посмел упрекнуть автора в повторении «чужого», в движении по накатанной колее. К первым работам Шехтеля стилистически примыкают чуть более поздние дома А. А. Локалова и П. Д. Иродова в селе Великом Ярославской губернии, а также часовня Михайловской церкви в Таганроге, положившая начало дерзаниям Шехтеля в области храмовой архитектуры.

Эти постройки и проекты зодчего начала 1890-х годов сделали ему имя в среде купцов и предпринимателей, а она тогда была наиболее мобильной, наиболее восприимчивой к художественной новизне.

Мастер модерна

Переход Шехтеля от неорусского стиля и неоготики на качественно иной уровень, к собственно модерну, произошел в середине 1890-х годов.

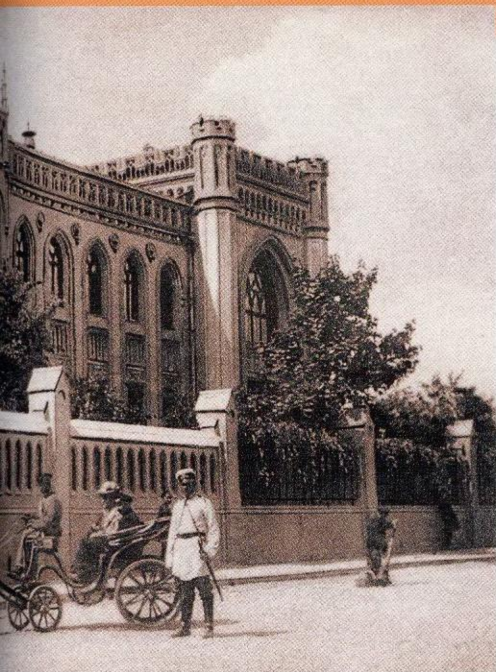
Первой его этапной работой на этом пути стал московский особняк жены знаменитого Саввы Морозова З. Г. Морозовой на Спиридоновке. Именно в этом проекте Шехтель заложил основы оригинального стиля, на два десятилетия определившего лицо русской архитектуры и принесшего его автору оглушительную славу. В сущности, где-то здесь следует искать истоки своеобразия и балаковского Троицкого храма.

▼ *Дом А. А. Локалова в селе Великом (Ярославская область) относится к ранним работам Шехтеля.*

На первый взгляд, морозовский дом — всё та же неоготика. Но только на первый взгляд. Это уже не привычная нам «фасадная» постройка, поставленная вдоль уличной красной линии: Шехтель отодвинул особняк несколько в глубь усадьбы, при этом отказавшись от идеи главного фасада — все фасады морозовского дома равноправны и в равной мере формируют то удивительное единство, которое свойственно шедеврам архитектора. Это единство касается не только экстерьера, предназначенного для «кругового» обзора (этот обзор предполагает движение не только в пространстве, но и во времени) и достаточно лаконично украшенного декором, с укрупнением тех или иных деталей (они исполняют роль «точек притяжения», «остановки взгляда», «мысленного усилия»), — но и внутреннего устройства особняка. Последнее, не забывая об уюте и комфорте, направлено на осознание идеи красоты. И здесь важна

▲ *Особняк З. Г. Морозовой в Москве. Дореволюционная открытка.*

▲ *Ныне в бывшем особняке С. П. Рябушинского на Малой Никитской размещается Мемориальный музей-квартира А. М. Горького. Пролетарский писатель жил в этом доме, предоставленном ему советским правительством, в 1932—1936 годах.*

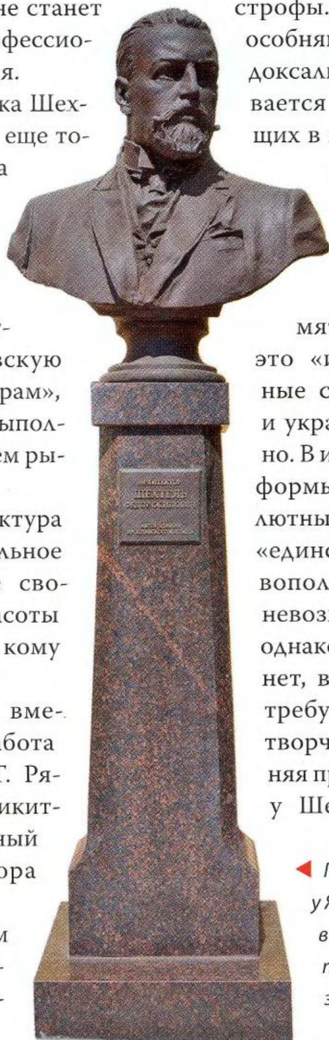
композиционная ось, каковой является парадная лестница — вокруг нее компонуются внутренние помещения. Этот прием отныне станет одним из основных в профессиональном «наборе» Шехтеля.

К оформлению особняка Шехтель привлек совершенно еще тогда неизвестного Михаила Врубеля — малую готическую гостиную украсили три панно художника («Утро», «Полдень» и «Вечер»), парадная лестница получила врубелевскую скульптуру «Роберт и Бертрам», по рисунку Врубеля был выполнен витраж с изображением рыцаря на коне.

Это уже была не архитектура в чистом виде, а универсальное искусство, поставившее своей задачей познание красоты и «приучение» к ней тех, кому предстояло здесь жить.

Вторая этапная (и вместе с тем вершинная) работа Шехтеля — особняк С.Г. Рябушинского на Малой Никитской в Москве, построенный по проекту архитектора в 1900 году.

Поразительно: в этом проекте автор предвосхитил, напророчил «содержание» только-только начинавшего утверждаться Серебряного века русской культуры — с его нервным и увлекающимся духовными крайностями сознанием, которое уже тогда предчувствовало грядущие катастрофы. Идеальная гармония особняка Рябушинского парадоксальным образом складывается из множества звучащих в нем диссонансов. Уже в экстерьере строгие внешние формы испытывают тектоническое давление, как бы стремятся вздыбиться — на это «играют» криволинейные силуэты окон, декора и украшающих фасады панно. В интерьере же текучесть формы возводится в абсолютный принцип. Подобные «единство и борьба противоположностей», кажется, невозможны в архитектуре, однако Шехтель доказывает: нет, возможны, тут только требуется не ограничивать творческую волю, не изменяя при этом вкусу (а он был у Шехтеля врожденным), и быть чутким по отношению к голосам эпохи.

◄ *Памятник Ф. О. Шехтелю у Ярославского вокзала в Москве, еще одного творения знаменитого зодчего.*

Эпохе этой, впрочем, оставалось жить недолго. Но, пока она доживала свой век, Шехтель без работы не сидел — заказчики выстраивались к нему в очередь. В 1901 году он был избран академиком — несмотря на отсутствие законченного художественного образования.

После революции 1917 года Федор Осипович пытался «встроиться» в новую действительность, но она не приняла его. Все его тогдашние опыты, относящиеся к выполнению «социального» заказа и службе победившему пролетариату, как-то неубедительны — будь то проект Мавзолея В.И. Ленина или проект памятника 26-ти бакинским комиссарам. Не от хорошей жизни знаменитый зодчий занялся и промышленной архитектурой, заняв должность заведующего архитектурным подотделом Днепрогэса. Очевидным было угасание — большевистской России Шехтель оказался не нужен. Кажется, он и сам понимал это — оттого столь печальным видится финал жизни архитектора. Умер Шехтель в июле 1926 года в полной нищете.

Возвращение имени

Несмотря на то, что в последние годы в Балакове появились новые православные церкви, Троицкий храм остается главным по красоте и историческому значению среди них. Он — символ города: архитектурный и духовный.

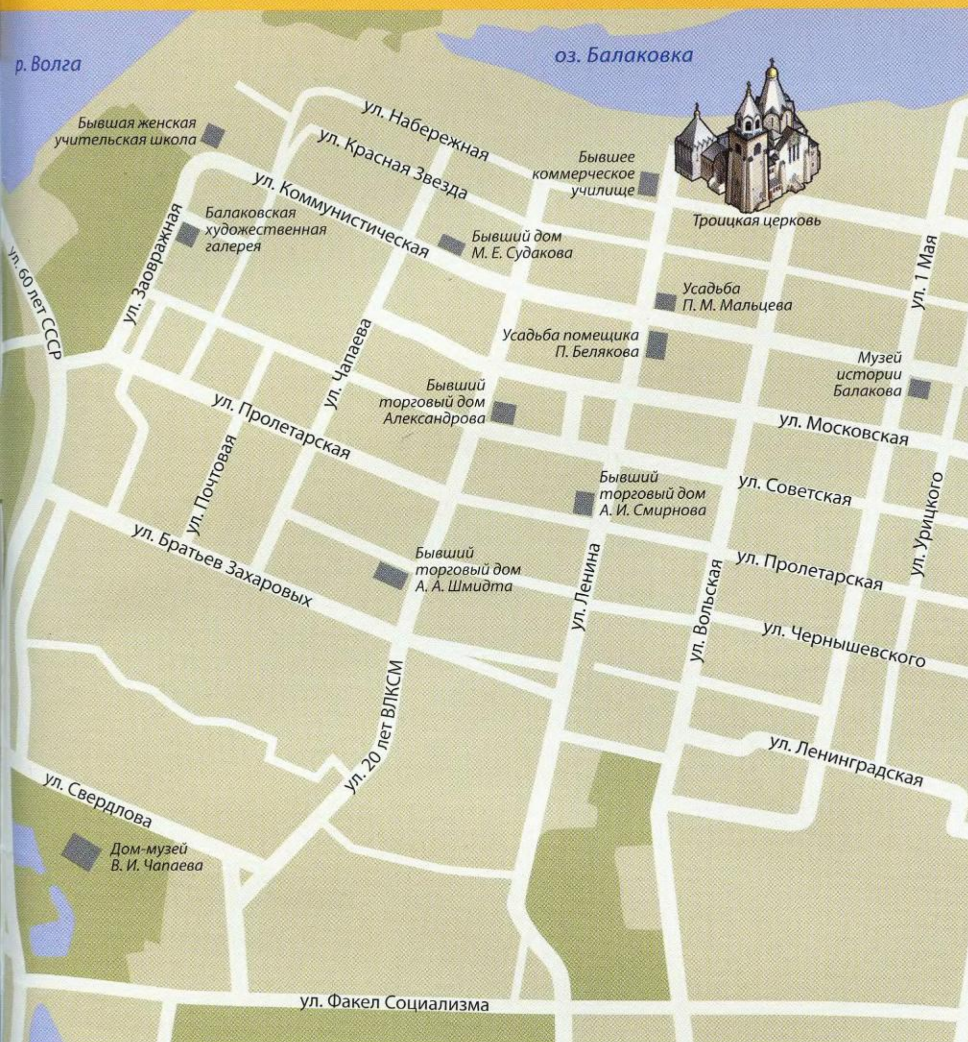
▲ *Вид Троицкого храма от озера Балаковка.*

Разговоры о том, что здание, освободившееся после переезда в новое помещение клуба завода им. Ф. Дзержинского, следует передать верующим, в Балакове пошли в 1988 году. Инициатива исходила от настоятеля существовавшего в городе с 1961 года молитвенного дома протоиерея Анатолия Шумова. В этом молитвенном доме в 1977 году был освящен престол во имя Святой Троицы, на который возложили чудом сохранившийся антиминс Свято-Троицкого храма, варварски разрушенного в безбожную эпоху. В дореволюционном Балакове было два Троицких храма — один шехтелевский, старообрядческий, другой принадлежал официальной Церкви. Речь сейчас идет о последнем.

▼ *Старые надгробия у церковной ограды.*

Местное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры согласилось поддержать батюшку — но при одном условии: в случае передачи храма Русской Церкви он будет восстановлен в точном соответствии с первоначальным проектом. Это условие было принято, и совместными усилиями добились желаемого — в 1989 году храм оказался в руках верующих и, после десятилетий существования под различными «псевдонимами», вернул себе истинное имя. Антиминс из Троицкого молитвенного дома после этого переместился в возрожденную церковь. Оставалось вернуть ей истинное лицо. На решение этой задачи ушли долгие годы. Сегодня можно утверждать — задача эта решена, хотя и не без некоторых неудач. Главная из них — при восстановлении

▲ *Богомольцы в Троицком храме.*

в 1999 году центрального шатра Троицкой церкви пришлось его несколько сократить в высоту относительно шехтелевского проекта, иначе бы несущие конструкции обрушились.

Чуть раньше, в 1997 году, восстановили колокольню и звонницу, в том же 1999 году в крестильне был освящен Александро-Невский придел (правда, богослужения в нем стали совершать лишь четыре года спустя). Имеется в храме и третий престол — приставной, освященный в честь Казанской иконы Божией Матери.

Внешне Троицкий храм выглядит сегодня прекрасно. В планах — сделать то, что не успели сделать до революции: выполнить внутренние росписи.

Храм живет активной приходской жизнью. При нем действует воскресная школа для детей и взрослых с кружком иконописи и библиотекой, приход оказывает помощь детским домам, психоневрологическому диспансеру, дому ветеранов Великой Отечественной войны. С 2010 года при храме работает филиал саратовского епархиального Учебного центра сестер милосердия, основанного в 2005 году.

Справочная информация

Троицкий храм открыт с 7:00 до 20:30. Богослужения совершаются ежедневно. С понедельника по субботу: литургия — в 8:00, вечернее богослужение — в 17:00 (зимой) и в 18:00 (в летнее время); по воскресеньям и праздничным дням: ранняя литургия — в 7:00, поздняя литургия — в 9:00. Расписание богослужений советуем уточнять на сайте храма.

Престольные праздники: день Святой Троицы, отмечаемый на пятидесятый день после Пасхи; дни памяти святого князя Александра Невского — 12 сентября и 6 декабря; празднование Казанской иконе Божией Матери — 21 июля и 4 ноября. Все даты даны по новому стилю.

Контакты

Адрес: 413840, Россия, Саратовская обл., г. Балаково, ул. Набережная, 1
Телефон: +7 (8453) 44-15-03
Сайт: www.troickiy.cerkov.ru

Как добраться

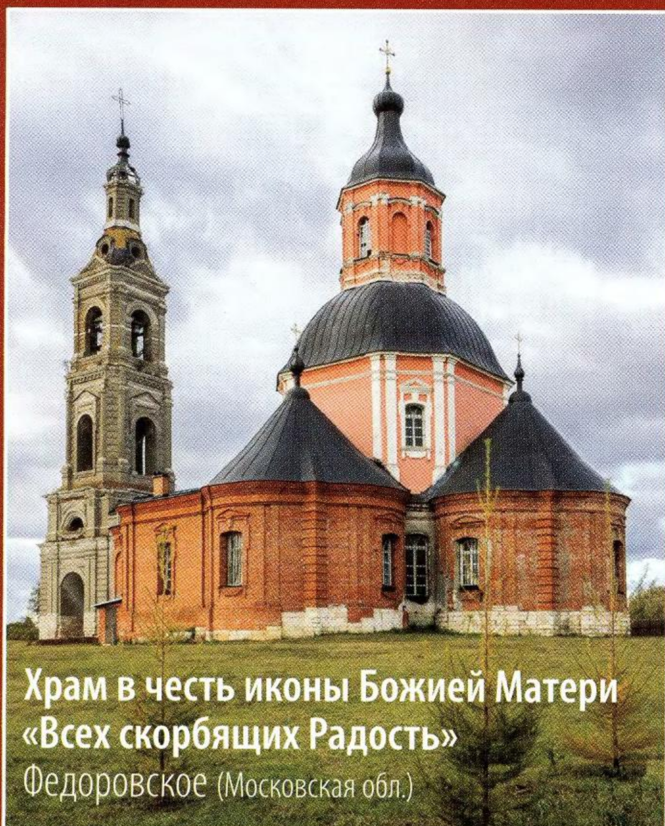
Из Москвы до Балакова можно доехать на прямом поезде, ежедневно отправляющемся с Павелецкого вокзала. Ближайший к Балакову крупный город, имеющий авиасообщение с Москвой и Петербургом, — Саратов. Расстояние от Саратова до Балакова — 190 километров. Из Саратова в Балаково ходят электрички и автобусы; последние — каждый час, время в пути — чуть меньше четырех часов. На автомобиле из Саратова в Балаково советуем ехать правым берегом Волги, через Вольск (есть вариант добираться и левым берегом: через Энгельс и Маркс), — дорога здесь лучше.

В самом Балакове до храма следуют автобусы маршрутов №№ 5, 7, 10, 10а, 21.

Прихожане неизменно участвуют в ежегодном крестном ходе в Вавилов Дол, одно из наиболее почитаемых в Саратовской епархии святых мест. Здесь в 1920-х годах обитала община, которую составляли возвращавшиеся из ссылок священники, монахи и миряне. В 1929 году власти разгромили общину, а ее участников суд приговорил к расстрелу или длительным срокам заключения. В 1990-х годах оказалось возможным открыто почитать Вавилов Дол, и были учреждены летние крестные ходы в это место.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», Федоровское

В селе Федоровском Волоколамского района Московской области высится храм в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Выстроенный в 1760-е годы на средства князя Петра Алексеевича Шаховского в принадлежавшем ему тогда имении, он представляет собой интересный пример так называемого «украинского барокко». Церковь, понесшая ощутимые потери в советские годы, ныне является подворьем московского Богородице-Рождественского монастыря.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+